

ДАНЯ
ИНАЯ

ЖЕНА НА ВЫРОСТ:
призванная
ДЛЯ ДВОИХ

Даная Иная

**Жена на вырост:
призванная для двоих**

«Литнет»

2025

Иная Д.

Жена на вырост: призванная для двоих / Д. Иная — «Литнет», 2025

Против своей воли я попала в мир, где рождаются только мужчины. Меня похитили, избрав женой на вырост — превратив в собственность, в игрушку. Меня отдали двоим. Тем, кто не знает жалости. Тем, кто ломает, чтобы потом собрать по-своему. Моя прежняя жизнь была адом. Но этот новый ад оказался куда жестче и сладостней. Потому что боль здесь переплетается с наслаждением. А страх — с необъяснимым влечением. Они думали, что держат меня в клетке. Но эта клетка с самого начала была создана на троих.***— Мы тебя подобрали, считай, с помойки. Можно сказать, спасли, — равнодушно бросил черноволосый.— Спасли? — эхом повторила я. Знакомое слово — даже слишком.— О, ты еще будешь нас благодарить, я уже предвкушаю, — ухмыльнулся медноволосый, продолжая кружить вокруг меня. Как зверь на грани прыжка — будто выбирал, куда вцепиться первым.***Важно: В книге присутствуют очень откровенные сцены, нецензурная лексика, dirty talk, взаимодействия в формате МЖМ. Может быть жестко! Все описанное — художественный вымысел, созданный исключительно для того, чтобы пощекотать нервы без риска и вреда. В реальной жизни подобное поведение недопустимо. Пожалуйста, будьте внимательны, если такие темы для вас чувствительны или вызывают моральное отторжение.***ХЭ гарантирован!

Содержание

Глава 1. День рождения	5
Глава 2. Из ада — в ад	7
Глава 3. Без права выбора	9
Глава 4. Внутри пустоты	11
Глава 5. Школа послушания	13
Глава 6. Это еще не все	16
Глава 7. На пол	18
Глава 8. Вибрация	21
Глава 9. После	24
Глава 10. Вопросы	26
Глава 11. Лица	29
Глава 12. Просьба	32
Глава 13. Заслужить	34
Глава 14. Лежи и смотри	37
Глава 15. Платформа	40
Глава 16. Выбор	43
Глава 17. Предчувствие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1. День рождения

Ручка двери дернулась. Резко, нервно — будто кто-то пытался ее вырвать с мясом. Хотя почему будто? Так и было.

— Именинница, открывай, — глухо послышался пьяный голос. — Я хочу тебя поздравить.

Это был дядя Витя — муж мамы. Точнее, сожитель — они не были расписаны. Мама, как всегда, смылась куда-то, бросив меня на этого урода. Дядя Витя уже с утра, как он выразился, отмечал мой день рождения. И вот пришел ко мне. Правда, единственное поздравление, которое я хотела получить от него — чтобы он оставил меня в покое.

— Открывай, я знаю, что ты там! — тон стал более угрожающим. — Я просто собираюсь поздравить свою любимую Асеньку!

Любимую? Это вряд ли.

Я слишком хорошо осознавала, зачем он заявился. Эти его масляные взгляды, прилипчивые прикосновения, отвратные намеки, от которых внутренности выворачивало наизнанку. Наверное, мне сегодня вообще не стоило возвращаться домой после смены. Попросить кого-нибудь из коллег приютить меня на ночь. Люду там или Светку — они бы не отказали.

Но я, как дура, наивно надеялась, что все будет как обычно: обнимет, воняя перегаром, пробурчит что-то про то, что я стала совсем взрослой, стиснет крепче — и можно будет забраться в свою комнату, закрыться на замок, отсидеться за надежными стенами.

Отсидеться не вышло.

Я вжалась в стену возле двери — та ощутимо вибрировала от ударов. Замок уже начал поддаваться — еще немного, и отчим оказался бы внутри. Затем я на цыпочках отошла к кровати. Зачем-то выключила свет. Смешно — как будто темнота могла стать моим спасением и заставить его забыть о моем существовании.

— Чего прячешься, а? — хрипло засмеялся дядя Витя. Он прекрасно знал, что я стою по ту сторону, сжавшись в комок. — Тебе уже целых восемнадцать, — его голос стал ниже, тягучим, как патока. — Это совсем другое дело...

Я в панике огляделась. Прыгнуть в окно? Девятый этаж. Хотя, может, предпочтительнее было умереть или переломать все кости, чем потерять невинность вот так... На глазах выступили слезы.

Ручка наконец не выдержала — с громким, издевательским треском вылетела из петель. Дверь распахнулась, ударившись о стену.

Дядя Витя вошел, пошатываясь и опираясь о косяк. Глянул на меня мутными глазами, скользнул по телу самодовольной улыбкой. Той самой, от которой у меня с детства все болезненно сжималось внутри.

Я была одета в уличное, джинсы и футболку. Не успела переодеться после смены. Но под его раздевающим взглядом почувствовала себя абсолютно голой.

И я поняла окончательно: сегодня все будет иначе. Он не остановится.

— Ну, вот она. Красавица. Вся в маму... только лучше, — отчим снова просканировал меня — удивительно внимательно для бухого человека. — С праздником тебя, солнышко.

Он сделал шаг ко мне. Я отступила.

— Не бойся, — произнес он почти нежно, но от этой фальшивой заботы мороз пробежал по коже. — Чего ты как не родная? Я ж тебя с малолетства знаю. А теперь ты станешь настоящей женщиной.

— Дядя Витя, — прошептала я, — не надо. Пожалуйста...

— Не дядя Витя — просто Витя. Или... как хочешь. Как тебе нравится, — ухмылка обнажила желтые зубы.

Мне не нравилось никак, но отчим подошел ближе. От него несло перегаром, сигаретами и чем-то сладко-тухлым. Меня затошнило.

Он протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. Я вздрогнула всем телом, как от удара током.

— Я ж тебя спасаю, если вдуматься. Мама твоя... сама по себе. А ты тут... одна. Ты взрослая, уже можно, — дядя Витя улыбнулся мягкой, заискивающей улыбкой. Выглядело жутковато.

Я попыталась обойти отчима, юркнуть в сторону — но он был быстрее. Его фигура мгновенно перегородила путь к бегству. В глазах не было той притворной нежности — только холодная решимость и хищное предвкушение.

— Ты ж красивая, умная. Глупо вот так бежать. Это твой день, я хочу, чтобы ты запомнила его надолго.

Потная ладонь скользнула по моему бедру. Как будто меня коснулась жаба — настолько омерзительным было это прикосновение. Даже сквозь джинсы рука казалась раскаленной, прожигала ткань и кожу.

Отвращение и страх смешались в один мощный импульс. Я больше не могла этого выносить. Дернулась и врезала ему в грудь — не сильно, но неожиданно.

Дядя Витя был крепким, коренастым, но с пивным животиком и явно не спортсменом. К тому же алкоголь сделал его движения медленными и неточными. А главное — он совершенно не ожидал от меня сопротивления.

— Ах ты, сучка... — злобно выдохнул он.

Я не стала ждать. Босиком, без телефона выскочила в коридор. Сердце стучало в ушах, заглушая все остальные звуки.

Однако отчим успел схватить меня за плечи. Его пальцы впились в кожу сквозь тонкую ткань футболки. Дыхание обожгло висок — горячее, тошнотворное.

— Не дергайся, именинница...

Кричать не было смысла — никто все равно бы не услышал.

Я чудом вывернулась — из-под его цепкой хватки, из этой проклятой комнаты, из мерзких рук и намерений. Рванула из последних сил, понимая, что это мой единственный шанс.

Адреналин забивал все ощущения, кроме одного — жажды свободы. Я летела по коридору так, как будто за мной гнался сам дьявол.

Если бы я подозревала, что меня ждет, то не торопилась бы так.

Глава 2. Из ада — в ад

Я неслась как угорелая, не разбирая дороги, не ощущая собственного тела. В ушах стоял такой грохот, будто там устроили барабанную дробь — это мое бешеное сердце пыталось самовольно выскочить из груди. В голове пульсировало одно: только бы убежать, только бы не поймал, только бы не успел.

Споткнулась, больно разодрав колено. Острая боль пронзила ногу, но я не издала ни звука — перекатилась и опять помчалась вперед. В глазах все плыло, мир рассыпался на туманные клочки. Я не слышала, стучат ли мои босые ноги по полу или по земле — кажется, давно перестала чувствовать, что именно не так.

Однако в какой-то момент до меня дошло, что звуки остались позади. Что нет ни шагов, ни зловонного дыхания, ни липких слов, ни мерзких прикосновений. Тех, что я мечтала стереть из памяти, выжечь каленым железом. Никогда не вспоминать: ни сейчас, ни потом, ни через тысячу лет.

Я резко обернулась. Это совершенно точно была не наша квартира. Здесь вообще не было ничего знакомого. Темные полупрозрачные стены с серебряными прожилками, ровные линии пространства... Ни намек на то, где я.

Воздух здесь был странный — плотный, как желе, но при этом какой-то холодный, словно я очутилась в подвале. И самое жуткое — свет. Он не шел от солнца, лампы или иного источника. Струился из ниоткуда, сероватый и мертвый.

Я не знала, где я, как сюда попала — и главное, куда исчез дядя Витя.

Я едва держалась на ногах, но постепенно сердце замедляло бег. Рана на колене отдавалась тупой болью, не давая забыть о недавнем падении. Но теперь это представлялось такой мелочью по сравнению с тем, что я каким-то образом оказалась неизвестно где.

— Жива еще, гляди-ка, — раздался низкий грубый голос откуда-то сбоку. — И, сука, бегают быстро. Думал, разьебется насмерть. А нам этого не надо, — послышался смех.

— Да уж, — лаконично откликнулся второй — лениво, с тягучей усмешкой.

Я мгновенно обратилась соляным столпом. Это обо мне?! Голоса двух незнакомых мужчин были где-то рядом. Точно не отчим. Но кто тогда?

Сделав осторожный шаг назад, я приготовилась снова броситься наутек. Но тут из-за одной из колонн вышли они.

Эти двое выглядели настолько огромными, что у меня аж перехватило дыхание. Вживую подобных я никогда не видела. Рядом с ними я ощутила себя не маленькой — а жалкой, ничтожной. Такие раздавят — не заметят.

Один напомнил мне настоящего огненного демона — медными растрепанными волосами. А глаза, хищные и наглые, буквально раздевали меня, скользя по телу с неприкрытой похотью. На губах играла издевательская ухмылка. Но... это было не так, как с отчимом. Не неприятно. Просто пугающе до дрожи.

Красный камзол, будто сшитый из расплавленного металла, идеально сочетался с очевидно буйной натурой этого пылкого мужчины.

Черноволосый казался еще опаснее, несмотря на более сдержанное поведение. Темные волосы контрастировали с серо-стальными глазами, в которых читалась ледяная решимость. Этот взгляд был таким пронзительным, что, пожалуй, мог просверлить насквозь.

Черно-серебристый костюм, облегающий тело, делал его похожим на хищника в ночном лесу — страшного и непредсказуемого.

Спустя пару секунд я поняла, что замерла, задрала голову, еле дыша и рассматривая мощных мужчин. Даже не пискнула — так меня пригвоздили к полу их взгляды.

— Ты, стало быть, наша, — рыжий подошел ближе. Почему-то запахло апельсином и... железом? Необычная комбинация. Но она ему подходила. — Мелкая, блядь. Надеюсь, кого-то покрупнее дадут, — процедил он. — Я ж просил не детсад, а телку нормального размера.

Темный не шелохнулся, но его бесстрастный голос прозвучал не менее угрожающе:

— Зато легче будет ломать. Хрупкие снаружи — хрупкие внутри.

Пламенноволосяный заржал в ответ на его слова.

— Ломать? Я... я не понимаю... Где я? Что это за место? — пролепетала я, и еле узнала свой голос: слабый, дрожащий. Из глаз опять побежали слезы, оставляя мокрые соленые дорожки на щеках. Я прикусила нижнюю губу, чтобы случайно не всхлипнуть.

— Шустрая. Едва пришла — и столько вопросов, — фыркнул рыжий, проводя пальцем по моей щеке, стирая слезу. — Прибереги свой ротик для другой работы. Но будешь хорошей девочкой... Так и быть, объясним тебе... Что-нибудь. Если захотим.

— Мы тебя подобрали, считай, с помойки. Можно сказать, спасли, — равнодушно бросил черноволосый.

— Спасли? — эхом повторила я. Знакомое слово — даже слишком.

— О, ты еще будешь нас благодарить, я уже предвкушаю, — ухмыльнулся медноволосый, кружа вокруг меня. Как зверь на грани прыжка — будто выбирал, куда вцепиться первым. — Но поебать. Ты все равно наша.

— Почему? Зачем? — прохрипела я.

— Узнаешь, — буркнул он. — А пока давай-ка посмотрим, кого нам прислали.

Эти слова не предвещали ничего приятного. Хотелось бежать, но куда? Вокруг были лишь стены. И эти изверги, ориентирующиеся в пространстве лучше, чем я.

Дерзкий мужчина схватил меня за подбородок, заставляя поднять голову. Его пальцы впились в кожу так сильно, что я вновь прикусила губу, чтобы не вскрикнуть.

— Неплохо, — протянул он, словно оценивая лошадь. — Хотя и мелкая.

Темноволосый наконец соизволил подойти ближе, его холодные глаза продолжали изучать меня с каким-то научным интересом.

— Да, — согласился он, — вполне.

Их безразличие к моим чувствам, презрительные взгляды, руки на моем теле — все это было нереальным, невыносимым. И напоминающим то, от чего я так отчаянно хотела убежать. Настолько, что сознание стало уплывать. Но эти варвары не дали отключиться — меня рывком встряхнули, возвращая в реальность.

— Не вздумай грохнуться в обморок, — прошипел рыжий, — еще успеешь.

Я с ужасом осознала, что это начало. Что бы они ни задумали, это будет намного хуже всего, что я могла себе представить.

— Задери футболку, — приказал он. — Скорее.

Я застыла. Он же не мог говорить серьезно?

— Я не буду! Я... я не знаю вас! И не знаю, что происходит! — я явно городила какую-то чушь в попытке очнуться от этого кошмара.

— Бля, слышал, Кай? Упрямая — пиздец. Сначала слезы, потом — не знаю вас, что происходит... — передразнил он меня. — Мда, возни тут непочатый край.

— Меньше базара, больше дела, Лар, — отозвался темный — Кай. — Ее реакция ожидаема. Протест, паника, смирение. Она покорится. Рано или поздно.

— Проверим, — рыжий — Лар? — шагнул ко мне, навис надо мной каменной скалой. — Снимай свою сраную футболку, сучка.

Я понимала, что если подчинюсь — это будет конец. Но если не подчинюсь... вдруг станет только хуже?

Глава 3. Без права выбора

Я замотала головой, отступая назад и вжимаясь в колонну так сильно, что поверхность, казалось, вот-вот могла проломиться под моим телом.

Плевать, что этот Лар был размером с дом. Что колени дрожали, а сердце намеревалось выпрыгнуть из груди. Я не была способна это вынести — слишком происходящее напоминало ту ситуацию, от которой я старалась убежать. Еще свежи были воспоминания о том, как дядя Витя ломился в мою комнату, как его потные руки скользили по моему телу, а горячее дыхание обжигало кожу.

— Нет... Нет, пожалуйста... — прошептала я, но мой лепет утонул в издевательском хохоте Лара.

— Бля, как мило, что наша девочка решила поиграть в непокорность, — прошипел он, наслаждаясь моим ужасом, смакуя каждый миг моего страха. Настоящий психопат.

Кай, до этого молча наблюдавший за представлением, наконец подал голос:

— Хватит тянуть. Пора приступать.

— Не трогайте меня! — закричала я и дернулась, но ноги приросли к полу.

Лар поднял руку, не пытаясь ко мне прикоснуться. Просто разжал пальцы, и воздух вокруг меня сгустился, стал липким, плотным — как паутина или мокрая вата. Что-то незримое схватило за бедра, за запястья, за щиколотки — словно меня оплели невидимые веревки, натянутые до предела. Руки против воли схватились за края футболки и начали тянуть ее вверх, обнажая кожу.

— Ты надеешься, у тебя тут есть выбор, детка? — прохрипел Лар. — Здесь ты подчиняешься. По-другому никак.

Я все еще пыталась сопротивляться, но тело перестало мне принадлежать — мышцы не слушались. Как это было возможно? Гипноз? Магия? Или что-то еще более страшное и необъяснимое?

— Пожалуйста... — шепнула я, но слова застряли в горле, превратившись в хриплый, надрывный стон. В это мгновение я осознала, что и голос мне не подвластен.

Лар усмехнулся. Эта его улыбка была беспощаднее любого крика.

Кай смерил меня бесстрастным взглядом. Он не выглядел довольным — скорее, равнодушным. И я не знала, что хуже — это безразличие или явное удовольствие Лара. Эти двое были совершенно разными, но их объединяла одна общая черта — стремление к безраздельному порабощению моего тела и, видимо, разума.

— Она еще не готова, — кинул Кай. — Рано.

— Чего? Да мы уже почти увидели ее соски! — ухмыльнулся Лар, не сводя с меня пронизывающих глаз. — Эта шлюха не носит лифчика, кстати, заметил?

— Она ломается не так. Интереснее, когда сама. Отпусти.

Лар недовольно выдохнул, но руку убрал. Паутина воздуха рассыпалась, и я рухнула на колени — как марионетка, которой резко перерезали держащие ее нити. Я вся дрожала, губы тряслись, в глазах стояли слезы. Жалкое, наверное, было зрелище.

— Ладно, хрен с ней, — буркнул Лар, — еще наиграемся.

— Иди за нами, — отчеканил Кай и зашагал по коридору. Он не сомневался, что я пойду следом.

Лар задержался — окинул меня голодным взглядом, от которого по коже пробежали мурашки.

— Советую слушаться, мелкая. Ты и сама видишь — у тебя тут никаких прав нет.

Он выпрямился и пошел следом за Каем. Несколько секунд я посидела, не двигаясь и почти не дыша, затем поднялась — медленно, шатаясь. Попыталась идти. Каждый шаг непри-

ятно отдавался в коленях и спине. Я чувствовала себя выпотрошенной: из меня будто вытащили все внутренности, оставив оболочку.

Сбежала из одного кошмара — чтобы попасть в другой? Лучше не придумать. В этом новом кошмаре было два лица. И оба они смотрели на меня как на добычу. Лар с его извращенным стремлением доставить боль. Кай с его ледяной безучастностью. Эти изверги были хищниками, а я — загнанной в ловушку жертвой.

Коридор, по которому я шла, казался опустевшим, но не мертвым. Поверхность стен, идеально гладкая и темная, словно улавливала движения и даже мысли — чего не покажется в бреду страха. Иногда серебристые прожилки в металле чуть светились.

Я оглянулась — и застыла. Виденного мною прохода уже не было. Там, где была щель, теперь высилась сплошная панель, глухо мерцающая внутренним светом. Сама архитектура изменилась, стерев за мной путь. Замкнулась, отключила направление, отрезала пути к отступлению.

В тишине я слышала свое прерывистое дыхание и далекие шаги моих захватчиков, ушедших вперед. Они знали это место и его правила. А я была здесь чужой, случайной гостьей в мире, где стены могли видеть, а коридоры — исчезать.

— Не отставай, — раздался голос Лара. — Тут такое бывает.

Я ускорила шаг, стараясь не думать, не анализировать, просто идти. Разобраться со всем этим и проработать план побега можно было и позже. В данный момент нужно было двигаться, не отрываясь от этих двоих, не давая страху окончательно поглотить меня.

Спустя несколько поворотов мы остановились у двери — обычной, металлической, с ручкой. На фоне всего происходящего она показалась уютной — кусочком нормального мира в этом безумном месте.

Кай открыл ее, не взглянув в мою сторону. Лишь сейчас я заметила, что на его руках красовались перчатки — черные, кожаные, плотно облегающие ладони. Станный выбор, особенно учитывая, что Лар, стоявший рядом, обладал множеством перстней на пальцах — массивных, с камнями, которые тускло поблескивали в полумраке.

— Твоя комната на ближайшее время, — бросил Кай. — Привыкай, — его голос был таким же холодным, как и взгляд — выточенным из льда.

Я замерла у порога, но Лар грубо толкнул меня внутрь.

Каморка была маленькой, тесной, без единого окна: гробом, выкрашенным серой краской. С теми же «дышащими», пронизанными пульсирующими волокнами стенами. В углу стояла узкая койка, на тумбочке лежала стопка сменного белья, а не приметная дверь вела в крошечную уборную — как я позже узнала.

Когда я повернулась, чтобы спросить хоть что-то, дверь захлопнулась. Но не как обычно — с привычным щелчком замка. А растворилась в стене, будто ее никогда и не существовало.

Я осталась одна в этой камере — назвать ее комнатой после всего случившегося не поворачивался язык. Ничком легла на кровать, свернувшись в клубок.

Даже не плакала. Только слушала, как гулко стучит мое сердце — в пустоте, где больше не было дверей.

Кай и Лар не планировали убивать меня — они собирались постепенно меня ломать. Дверь могла исчезнуть — а я нет.

Глава 4. Внутри пустоты

Я не знала, сколько прошло часов, дней, недель. Понятие времени потерялось в серой пелене этого места. Проснулась ли я — или вообще не засыпала? Сказать было невозможно.

Свет оставался прежним: ровным, мягким, без тени и направления. Он лился отовсюду и ниоткуда, создавая ощущение, будто находишься внутри гигантского светящегося шара. Ни окон, ни часов, ни намека на смену дня и ночи.

Я постоянно валялась на койке, глядя в потолок и гоня мысли по кругу. В этой искусственной действительности постепенно теряя связь с миром и собой настоящей.

Стены все так же пульсировали, словно наблюдающие за мной живые организмы. А может, здесь были и камеры наблюдения?

В сознании крутились обрывки воспоминаний. Тот момент, когда Лар схватил меня. Когда Кай равнодушно приказал следовать за ними. Когда дверь исчезла, и я очутилась одна. Как я вообще попала сюда, в какое мгновение коридор квартиры превратился в эти холодные стены?

Я попыталась сесть — и тут же ощутила тупую боль в пояснице. Тело ломило, мышцы ныли. Я слишком долго лежала, не шевелясь. Заняться тут было нечем.

Затем я постаралась вспомнить, сколько раз ела. Два? Три? Пять? Я не могла точно ответить даже на этот простой вопрос.

Пища просто возникала на тумбочке сама по себе. Ни разу мне не удалось заметить, как именно там оказывался поднос — серый, без крошек и царапин.

Еда тоже всегда была одинаковой — густая каша без вкуса, бледный суп, ломтик чего-то белого, напоминающего рыбу. Без соли и запаха, ничего лишнего. В другой ситуации я бы, может, и не стала это есть... Но выбирать не приходилось.

И ни одного прибора: ни ложки, ни вилки. Я ела руками, как дикарка — ну или как бездомная собака, подбирающая объедки.

Конечно, это было унижительно. Лучше, чем изнасилование — но все равно неприятно. Первые пару раз я пыталась сберечь остатки достоинства и не есть. Но когда голова начала дико болеть от голода и низкого давления, вся моя гордость испарилась куда-то в никуда.

Каждый глоток этой мерзкой жижи давался с трудом. Но организм требовал пищи, и я сдалась, затолкав в себя эту еду, какой бы противной она ни была.

Один раз, чуть позже, я снова попыталась не есть. Отвернулась, сжав зубы — назло неизвестно кому. Но всем было плевать: поднос просто остался на месте, пока я не сдалась и не съела немного этого месива.

Сейчас подноса не было, и тумбочка стояла голая — выделенное мне белье тоже уже закончилось. Сидя, я облокотилась о стену. Взгляд бесцельно заскользил по комнате, выхватывая до тошноты надоевшие детали.

Тут не было звуков — кроме моего дыхания, биения сердца и иногда — еле слышного, почти неуловимого гудения стен. Как у существа, чьи органы работали на фоне, непрерывно, бессознательно.

Разум потихоньку плавился от пустоты и тишины. Чтобы не погрязнуть в пучине безумия, я открыла рот и стала считать вслух, надеясь, что звучание собственного голоса удержит меня на грани реальности.

— Раз... два... три...

Досчитала до пятисот, потом сбилась, начала снова. Губы пересохли, голос охрип. Опуштенная, я опустилась на койку, в очередной раз погрузившись в вязкую безысходность. Что еще оставалось?

Только ожидать, причем непонятно чего — то ли когда этот кошмар закончится, то ли когда я сойду с ума. То ли того и другого одновременно.

...Я не поверила, увидев, как в монолитной стене, кажущейся прежде незыблемой скалой, медленно начал появляться проем. Сперва тонкая щель, затем все шире и шире — пока не образовался полноценный проход.

Я моргнула, чтобы убедиться в реальности происходящего. Проем никуда не делся, а на пороге высились Лар и Кай. Сердце ухнуло куда-то в живот, а потом подскочило к самому горлу. Я чуть не кинулась к ним, забыв обо всем. Да, они были моими мучителями и причинили мне боль, но зато представляли собой людей, а не безликие тени моего заточения.

Кай, как всегда, являл собой непроницаемую глыбу льда. Стоял прямо, не выказывая эмоций. Лар же издевательски ухмыльнулся, шагнул в комнату и громко хлопнул в ладони.

— Ну, как поживает наша узница? — протянул он. — Понравилось быть без времени? Без выбора. Без смысла.

Я молчала. Сжалась, вжимаясь спиной в стену. Было бы хорошо в ней раствориться, но магия в этом пространстве явно была не на моей стороне.

— Вставай, — скомандовал Кай.

— Куда? — осмелилась пролепетать я.

Лар хмыкнул.

— Сегодня все поймешь, крошка, обещаю, — он приблизился вплотную и прошептал. — Ты ведь хочешь знать, зачем ты здесь?

Я уже не была в этом уверена.

— Либо ты идешь, — монотонно произнес Кай. — Либо мы тебя вынесем. И поверь — будет хуже.

Идти самой — значило сохранить хоть каплю контроля. Я сделала шаг. Проем расширился. За ним простирался коридор, которого не было раньше. С теми же пульсирующими стенами. Но темнее и глубже.

Кай пошел первым, я — следом, а Лар замкнул строй.

Я обернулась. Двери, ведущей в мою каморку, больше не было — как и ожидалось. Только идеально гладкая стена. Как будто все, что происходило внутри, было сном, ложью, миражом.

Впереди ждала неопределенность. Путь не к свободе, а к тому, ради чего они ломали меня. Или... к тому, что должно было сломать окончательно.

Глава 5. Школа послушания

Я шла между Каем и Ларом. Каждый шаг уводил меня все дальше от прежней жизни — и приближал к чему-то, что я пока не могла даже назвать или обозначить. Я ощущала, как растворяются остатки моего «я», стираются грани между реальностью и иллюзией.

Кай шел, не касаясь меня, не говоря ни слова. Его шаги были тихими, движения — выверенными. Лар фыркал, бросал реплики, поглядывал на меня с интересом. А Кай... Кай был как хирург в предоперационной — хладнокровный, сосредоточенный. И это пугало гораздо сильнее.

Стараться запомнить путь не было смысла: коридоры меняли направление, а проходы за спиной исчезали, словно их никогда и не существовало. Пространство подчинялось своим, неведомым законам.

Наконец мы пришли. Когда двери впереди бесшумно разъехались в стороны, я на миг зажмурилась — свет был мягким, но слишком ярким для моих, уже привыкших к полумраку, глаз. Просторный зал больше напоминал павильон, чем комнату.

Зеркальные стены множили отражения, искажая линии и создавая ощущение, что здесь больше людей, чем было на самом деле.

Там были девушки. Десятки девушек. Они стояли рядами: прямые спины, приподнятые подбородки, смотрящие в пол глаза. Как манекены в витрине дорогого бутика.

Все были одеты в одинаковые наряды разных оттенков — от светло-розовых до бордовых. Одежда была настолько провокационной и соблазнительной, что мне захотелось отвернуться, так стало неловко. Полупрозрачные вставки на груди, кожаные пояса с металлическими кольцами на талии... Каждая выглядела, как живая кукла, выдрессированная до совершенства.

По спине пробежал холодок. Судя по всему, это были жертвы: такие же, как я, но начавшие проходить испытание раньше. Каждая из них была сломлена, перепрограммирована, превращена в то, что эти садисты желали видеть.

Может, из нас решили сделать эскортниц? Продать в рабство? Но почему тогда именно я? Я же не какая-то там красотка... Или туда берут всех подряд?

— Где мы? — прошептала я.

— Это Школа послушания для жен на вырост, — небрежно бросил мне Кай все тем же ровным, скучающим голосом.

Я вздрогнула, остекленело уставившись в его спину. Перевела взгляд на Лару, надеясь получить разъяснение. Но тот похотливо подмигнул, отчего мое тело прошла необычная дрожь.

— Скоро будешь как они, малышка. Тебе понравится.

— А если я не захочу? — вырвалось у меня.

— Не волнуйся, — сухо сказал Кай. — Все адаптируются. Некоторые — даже охотно. Ты не заметишь, как начнешь хотеть этого. Все хотят.

— А что значит «на вырост»? — все-таки сумела выдавить я.

— Пока ты заготовка, но это изменится, — Лар жадно скользнул по мне, хотя любоваться после заточения было наверняка нечем. — Научат уму разуму. Станешь нам настоящей женой.

Его слова повисли в воздухе тяжелым свинцовым облаком. Школа послушания? Женой? Что это вообще такое? В голове не укладывалось, как можно против воли превратить меня в чью-то жену. Да еще и сразу двоих!

К горлу подступила тошнота. Эти девушки... Выходит, они тоже были будущими женами? И что это за обучение, после которого человек становится безжизненной куклой с пустыми глазами?

Уточнить было не у кого — когда я оглянулась, Кая и Лара уже не было. Они растворились — как призраки, оставившие меня в этом зеркальном аду одну.

В зале были и взрослые женщины. Одеты они были в черное. Их форма напоминала мантии. Дополняли наряды высокие каблуки и кожаные перчатки — похожие на те, что были на Кае, но выше локтей.

Одна из них подошла ко мне. Длинная, худощавая, с идеально гладкими волосами и безэмоциональным лицом.

— Новенькая? Я — Надзирательница, можешь звать меня так. Сначала нам надо тебя переодеть.

Она с отвращением глянула на мою футболку и джинсы, успевшие потерять свежесть за время моего сидения в том карцере.

— Уведи ее в раздевалку, — приказала она другой женщине — тоже Надзирательнице, судя по одежде. — Новенькая должна соответствовать стандартам.

Она будто говорила не о человеке, а о неодушевленном предмете, который необходимо привести в порядок. Эти женщины были такими же запрограммированными, как те куклы в прозрачных нарядах. Просить помощи тут было не у кого.

Меня провели в узкую комнату, где было всего два зеркала и стойка с платьями, аккуратно развешанными по цвету — от нежно-розового до темно-бордового.

— Начальный уровень, — отчеканила женщина, вручив мне светлое открытое платье цвета пепельной розы.

На автомате взяв наряд в руки, я замерла. Ткань казалась тонкой для одежды — она больше была похожая на вуаль, чем на платье.

— Снимай свои портки, — резко кинула мне женщина.

Платье было легким и невесомым, но в то же время подчеркивало каждую линию, каждый изгиб. Я посмотрела в зеркало и не узнала себя — вместо девушки в джинсах и футболке там отражалась какая-то кукла, запакованная в полупрозрачное нечто, сквозь которое просвечивало тело. Я почувствовала себя голой, несмотря на то, что была вроде как одета.

Однако в моих глазах еще теплились страх и отчаяние, а в глазах тех девушек была лишь пустота.

Когда я вернулась в зал, все уже сидели на полу — аккуратными рядами, как прилежные ученицы в школе. Перед ними стояла та самая женщина, которая встречала меня первой. По ее лицу скользнула тень одобрения, когда она заметила мой новый облик.

— Сядь, — скомандовала она.

Пол был теплым. Зеркала отражали нас со всех сторон, и от этого мне почему-то было спокойнее. После одиночной камеры такое количество людей воспринималось как благо.

Я украдкой огляделась, пытаясь найти хоть какое-то проявление жизни в окружающих меня лицах. Но увидела обезличенные маски.

— Сегодняшняя тема — контакт глазами, — голос Надзирательницы был почти ласковым. Но было件нятно, что за этой притворной нежностью может скрываться металл. — Подчинение — это приглашение, а взгляд снизу — это признание власти.

Надзирательница прошла между рядами.

— Кто хочет попробовать? — она оглядела зал. — Ты, — ее палец указал на одну из девушек рядом со мной — симпатичную, с карими глазами.

— Смотри на меня, — сказала ей Надзирательница. — Как если бы я была твоим хозяином. Покажи желание. Покажи, что ты — его.

Девушка медленно взглянула на Надзирательницу, не вставая с места. Ее губы разомкнулись, как для вдоха.

Надзирательница помолчала, внимательно изучая ее реакцию, затем слегка склонила голову.

— Хорошо. Но добавь больше страха. Больше преданности. Продemonстрируй, что готова на все ради одобрения.

Я вновь покосилась на своих соседок. Каждая затаила дыхание, наблюдая за происходящим, впитывая каждое слово Надзирательницы. Только сейчас я заметила, что некоторые выглядят непривычно. Например, у кого-то была радужка фиолетового цвета — может, линзы? А у пары девушек была светло-зеленая кожа!

— Попробуй еще раз. Прояви готовность служить и утверди свою ценность как собственности.

Девушка снова подняла глаза, и на этот раз в ее взгляде появилось что-то новое. Что-то, что заставило меня содрогнуться. Это был взгляд того, кто уже смирился. Кто перестал бороться.

Надзирательница удовлетворенно кивнула.

— Вот так. Теперь ты понимаешь? Это то, чему я вас учу. То, кем вы все станете.

Страх мгновенно заполнил каждую клеточку моего существа. Если эта девушка — пример того, кем я должна стать... Если это — конечная цель нашего нахождения тут... Хотя нет, я в любом случае предпочла бы быть здесь, чем оказаться в липких руках дяди Вити в день своего совершеннолетия.

Дальше было обучение жестам и походке. Все — с очевидной целью: сделать из нас приятных и удобных своим мужьям. Дикость!

Я пыталась не запоминать, не вникать, но поймала себя на том, что уже зеркально повторяю поведение девушек. Это напрягло меня больше, чем мертвые глаза вокруг.

А когда все закончилось, за мной пришли Лар и Кай.

— Пойдем, — ухмыльнулся Лар. — Покажешь нам, чему тебя научили сегодня.

Кай молча ждал. Его взгляд задержался на моем платье, и он чуть кивнул — как будто оценил товар на отлично.

И вот тут мне стало по-настоящему страшно.

Глава 6. Это еще не все

Меня провели через другой коридор — не тот, по которому мы пришли с «занятия». Потолок чуть светился, мягко подсвечивая отполированные до блеска стены. Сначала я подумала, что это тоже зеркало, но оно не отражало, а казалось бездонным провалом.

Кай отворил дверь, и неожиданно мы оказались на улице. Переход от приглушенного света к этому странному сиянию заставил меня зажмуриться. Когда глаза привыкли, я поняла — это определенно был не мой город. И, кажется, не моя планета.

Все выглядело нереальным, словно я попала в какой-то параллельный мир. Эти светящиеся конструкции, четкие линии, кубические формы зданий — все кричало о том, что я где-то совершенно не там, где должна быть.

Что это за место, где я, что будет дальше... Вопросы роились в голове, их был миллион. Но я не осмелилась спросить. Боялась, что если заговорю, то не смогу сдержать слезы, которые уже жгли глаза.

Мы сразу попали на мост, соединяющий строения. Он парил в воздухе, не касаясь земли, — если она вообще была здесь в привычном смысле. Под ногами не было видно ни опор, ни креплений — только прозрачный материал, сквозь который проглядывала бездна.

Через дымку виднелись какие-то геометрические фигуры: идеально ровные кубы, устремленные ввысь колонны и сверкающие арки, уходящие в тень.

Все это складывалось в безупречную геометрию. Как будто кто-то взял циркуль и линейку и создал эту среду с математической точностью. Ни единого отклонения, ни одной кривой линии.

Оглянувшись, я посмотрела на здание, откуда мы вышли. Как и другие постройки, оно было воплощением минимализма и строгости. Фасад казался отлитым из цельного куска металла, абсолютно гладким, ничего не выражающим. Ни окон, ни дверей, ни каких-либо опознавательных знаков или вывесок.

Справа от меня Лар насвистывал какой-то издевательски-веселый мотив, разглядывая меня с нескрываемым интересом. Я чувствовала, как его взгляд скользит по моим плечам, по голым коленям, по груди — платье цвета пепельной розы почти ничего не скрывало.

От понимания, что сейчас меня, практически раздетую, видит посторонний мужчина, по коже бежали ледяные мурашки, а дыхание перехватывало. Я старалась держаться прямо, но внутри все сжималось от отвращения к самой себе. Как я очутилась в таком положении?

— Что, милая, проголодалась? — ухмылка Лара стала еще шире. — Мы как раз идем на ужин.

Наверное, это было неправильно, но запах металла и апельсина, исходящего от Лара, манил: какое-то иррациональное, почти животное желание уткнуться в его камзол и вдохнуть глубже преследовало меня. И чем больше я пыталась избавиться от этого наваждения, тем сильнее оно захлестывало.

Слева шел Кай — безмолвный и бесстрастный, как и всегда. Его присутствие ощущалось физически, хотя он не смотрел на меня. Но мне почему-то чудилось, что он отслеживает каждое мое движение. И от этого осознания дух захватывало не меньше, чем от вида парящего моста или близости Лара.

Я украдкой покосилась на профиль Кая — резкие черты лица, плотно сжатые губы, непроницаемый взгляд. Казалось, что под этой маской равнодушия скрывается что-то гораздо более опасное, чем открытая агрессия Лара.

Вскоре платформа совершила плавный поворот, и мы подошли к другому корпусу. Он ничем не отличался от первого — такая же глянцевая металлическая поверхность, никаких признаков жизни.

Тяжелые двери, на которых не было ручек, ни замков, распахнулись сами — беззвучно, будто приветствуя нас.

Внутри все было почти таким же, как и в том здании, откуда мы пришли — те же шлифованные стены, тот же рассеянный свет, та же стерильная чистота. Немного поплутав по коридорам, Лар и Кай остановились перед дверью. На этот раз они сами открыли ее. Я шагнула — и замерла.

Комната была огромной, как зал для торжеств, но торжественного в ней ничего не было — разве что свечи, расставленные по периметру. Блестящий пол отражал их теплый золотой отблеск. В центре располагался длинный стол, накрытый на несколько персон, а вокруг него — стулья с высокими спинками.

Но главное было не это. На столе стояла еда, причем явно не то безвкусное месиво, которым меня пичкали во время заключения. Я не успела разглядеть, что именно лежало на тарелках, но аппетитные запахи сказали все сами за себя. Рот мгновенно наполнился слюной, а колени ослабли от внезапного приступа голода. Я не ела по-настоящему уже... я даже не знала, сколько дней прошло с тех пор.

Было понятно — просто так ничего не будет. Слишком уж вкусно пахло. Слишком красиво было накрыто — белоснежная скатерть, хрустальные бокалы, серебряные приборы, мерцающие свечи. Слишком театрально смотрелись Лар и Кай, стоящие с двух сторон стола — как два жреца, ждущие от меня жертвы. Глупо было бы поверить, что меня решили покормить по доброте душевной.

— Переоденься, — ровно произнес Кай и подал мне аккуратно свернутый комплект.

И не думая о том, чтобы отказаться, я протянула руку. Это было белье. Белое, кружевное, тонкое — оно скорее подчеркивало наготу, чем прикрывало ее. По сравнению с этим комплектом мое платье показалось мне целомудренным.

Верх представлял собой две полупрозрачные ленты, соединенные металлическим кольцом. Крошечные трусики, подвязки, чулки — все это было таким провокационным, что у меня перехватило дыхание. Надев это, я бы стала похожей на проститутку, выставленную на продажу.

Кай молчал, глядя спокойно и отстраненно, словно происходящее его не касалось. Лар же развязно улыбался — в его взгляде было все: предвкушение, похоть, нетерпение.

— Я должна надеть это прямо здесь? — нервно спросила я.

— Конечно, — бросил Лар, наслаждаясь моей реакцией. — Тут не будет занавесок. Привыкай.

Я на секунду застыла. Все во мне протестовало против этой позорной процедуры. Но голод сжирал изнутри, сводя желудок спазмами. Я осознавала, что если не сделаю то, чего они хотят — я не получу ни крошки. В конце концов, что такого в том, чтобы просто переодеться? Трогать меня вроде бы не собирались.

Я отвела глаза, стараясь не смотреть ни на Лара, ни на Кая. Стянула с себя платье — медленно, будто каждая складка была приклеена к телу. Кожа вновь покрылась мурашками — не от холода, а от ощущения, что за мной неотрывно наблюдают.

Дрожащими руками я развернула комплект белья. Мысли путались, пытаюсь найти выход из этой ситуации. Но его не было — лишь унижительное переодевание под взглядами незнакомцев и обещание еды, которое могло оказаться ложью.

Нижнее белье было чересчур узким и откровенным. Ремешки врезались в бедра, а кружева едва прикрывали грудь. Я была обнажена — хоть и якобы одета.

— Это еще не все.

Кай подошел к полке у стены и взял что-то с крючка. Когда он обернулся, я увидела в его руках металлический обруч — блестящий, с кольцом посередине.

Это был ошейник.

Глава 7. На пол

— Нет, — я иступленно замотала головой, осознавая, что это уже дно. Что после этого не будет ничего — лишь полное падение в никуда.

Лар хмыкнул.

— Не выпендривайся, наша маленькая шлюшка. Хочешь есть — прими правила. Или ты предпочитаешь голодать?

Я взглянула на Кая. Тот не говорил ни слова, стоя с этим обручем в руках. Почему-то в сознании мелькнуло сравнение: как врач перед процедурой, который знает, что это необходимо, но не испытывает никаких эмоций. Его лицо не выражало ничего — ни сочувствия, ни злорадства, ни интереса. Словно он выполнял рутинную работу, не более того.

— Нет, умоляю, — я сама удивилась тому, что прошу, — не надо...

Но они уже все решили. Лар совершил шаг вперед, а Кай, не меняя выражения лица, поднял ошейник. Металл блеснул в свете свечей.

— Это не обсуждается, — произнес Кай своим бесцветным голосом.

— Я не... — начала было я.

— Ты не что? — осклабился Лар. — Не хочешь? Не готова? Не достойна такой чести?

К глазам подступили слезы. Как объяснить то, что я не могу облечь в слова? Как сказать, что это слишком, что это неправильно и бесчеловечно? Все это было бессмысленно.

— Ты не поняла, — тон Кая стал холоднее. — Здесь ты — вещь. Тебя обучают и настраивают. Если сломаешься — перепаяем. Как сломанный механизм или неисправный прибор.

— Не надо, — пролепетала я, ни на что не надеясь.

— Ты сделаешь то, что мы скажем, — сказал Кай. — Сейчас. Или мы найдем способ тебя переубедить.

В этом я не сомневалась. Потому не шелохнулась, когда Кай пристегнул ошейник своими руками в перчатках. Щелкнул замком — и я вздрогнула, будто меня ударило током. Ошейник коснулся кожи, прохладный и безжалостный. Отныне я была не более чем вещью, которую можно использовать по своему усмотрению.

— Лучше, — окинул меня Кай с ног до головы. — Садись.

Я потянулась к стулу, но Лар остановил меня резким движением руки.

— На пол.

Эта фраза заставила меня замереть на месте. Я посмотрела на Лара — может, он пошутил. Но тот усмехнулся:

— Ты еще не заслужила стул, — протянул он с издевкой. — Ты — внизу. Запомни это.

Сердце полоснуло острой болью — я даже не знала этих мужчин, за что они так поступали со мной? Но деваться некуда — я села. Положила руки на бедра, силясь не показывать свою слабость.

Сидеть вот так, у их ног, почти голой, ощущая запахи еды — это было пыткой. Я чувствовала себя использованной, хотя ко мне практически не прикасались. Но что я могла? Только подчиняться, принимать эти оскорбительные условия и делать вид, что все нормально.

Но Кай и Лар, по-видимому, наслаждались этим. Им нравилось видеть, как я мучаюсь и ломаюсь. Лар откровенно любовался мной — как коллекционер, рассматривающим новый объект. А Кай напоминал скорее ученого, изучающий поведение подопытного животного.

И мне приходилось доставлять им это удовольствие. Не только из-за голода, но и потому, что боялась наказания за непослушание. Сложно было предсказать, что они могут сделать, если я откажусь.

Я опустила голову, стараясь не смотреть на них, не вдыхать сводящий с ума аромат, не думать о происходящем. Но все это было бесполезно. Унижение, страх и голод были реальными, осязаемыми, всепоглощающими.

— Хорошая девочка, — вкрадчиво выдохнул Лар. — А теперь покажи, как сильно ты желаешь есть.

Он выбрал и подцепил вилкой кусок чего-то, поднес к моему рту... и остановился.

— Попроси.

Глаза сами собой округлились. Я вытаращилась на него, не веря. Он серьезно? Ему было мало?

— Прошу, — выдавила я.

— Смотри в глаза, — напомнил Кай, не повышая голоса. — Или останешься голодной.

Я вгляделась в глаза Лара. Вдруг вспомнился недавний урок — взглянуть как на хозяйина, показать свое желание. Внезапно я подумала — получится ли? Смогу ли я обмануть их и сыграть роль?

Я постаралась вложить в свой взгляд все, чему нас учила Надзирательница — игнорируя жгучий стыд, сковавший мое тело и разум. Чтобы выжить тут, нужно было притворяться: что я хочу быть их вещью, что воспринимаю ошейник как знак особого внимания, а не унижения.

Мой взгляд стал более томным, более покорным. Я опустила ресницы, а затем неторопливо подняла их, встречаясь с его глазами. Попыталась изобразить то, что они хотели увидеть — подчинение и готовность служить.

— Пожалуйста... — прошептала я, а внутри все сжималось от отвращения к себе, — дайте мне поесть...

— Вижу, ты начинаешь понимать правила, — Лар поднес кусочек ближе. — Без рук.

Я открыла рот, и вкус заполнил мой рот: сочный, теплый, пряный. Я с трудом сдержала стон. Мне было все равно, что это.

Лар протянул еще, и я, забыв о гордости и достоинстве, приняла пищу.

Кай наблюдал со стороны, держа в пальцах бокал с чем-то рубиновым. Но наверняка получал удовольствие от этого спектакля — от моих унижения, голода и покорности.

Я ела — медленно, с рук, без права выбирать, что и когда. Каждый кусочек был актом предательства самой себя. Но тело благодарило: желудок не сводило спазмами, силы постепенно возвращались, ум прояснился. От этого диссонанса голова шла кругом.

Но об этом я решила поразмышлять потом — пока не утолен голод, пока не удовлетворены самые простые человеческие потребности.

Лар продолжал кормить меня, смакуя каждую минуту этого унижительного процесса. Кай по-прежнему молчал, но его взгляд говорил больше, чем любые слова.

Я пыталась не думать о том, во что превращаюсь. О том, кем становлюсь. О том, что происходит с моей душой, пока я принимаю пищу с колен, как животное, как собственность, как игрушка в их руках.

— Вот так, — удовлетворенно кивнул Лар, — послушная сучка.

Он провел пальцем по моей щеке, я невольно дернулась и с испугом взглянула — не разозлился ли.

Лар не разозлился. Наоборот — лениво ухмыльнулся, как кот, который понял, что мышь не убежит.

— Не бойся, — палец скользнул ниже по подбородку, задержался на ключице.

Кай все так же не вмешивался. Будто фиксировал каждую мою эмоцию: страх, стыд, голод, уступку. Затем взял кусочек хлеба со стола и подал мне.

— Урок не в пище, — тихо проговорил он. — А в том, как ты принимаешь ее.

Я застыла на полпути, потянувшись к его ладони.

— Твоя воля — иллюзия, — продолжал он. — Мы даем тебе альтернативу, чтобы ты сама от нее отказалась.

Я сглотнула. Наклонилась и съела хлеб. Прямо с его руки в перчатке, губами. Глотнула, почти не жуя, всматриваясь в глаза Кая. Они были почти прозрачными — как два кристалла. Выглядело жутковато, но в то же время завораживающе.

— В следующий раз ты попросишь не только еду, — бросил Кай. — И будешь думать, что это твой выбор.

Он выпрямился и повернулся к Лару:

— Хватит. Переходим к закреплению.

Глава 8. Вибрация

По спине пробежал ледяной озноб. Лар сел на край стула, расставил ноги шире, оперся о колени. Его поза стала угрожающе расслабленной — такой, когда человек обладает полной властью над ситуацией.

Его взгляд изменился. В глазах не было ни тени той легкости, с которой Лар говорил прежде. Ни намек на шутливость или развязность. Лишь оценивающая, хищная сосредоточенность: будто он рассматривал не человека, а сложный механизм, который собирался испытать.

— На колени ты села, — растягивал Лар слова, — покажи, умеешь ли ползти.

Он вытянул руку и щелкнул пальцами, указывая на стену. Я вздрогнула — там, где до этого была просто гладкая поверхность, теперь зияла узкая арка, ведущая в темноту. Раньше ее вроде бы не было. Или я не замечала? Пространство переломилось, сдвинулось, и в этом изломе открылась комната.

— Туда, — голос Лара был ленивым, тягучим. — Медленно. С благодарностью. За каждый кусок, что ты получила.

Падать ниже было все равно уже некуда. Я опустилась на ладони, переместилась в положение, которое заставило покрыться мурашками. Спина, ягодицы, грудь, промежность — все было открыто и выставлено напоказ. Я чувствовала взгляды — не глазами, а кожей, нервами, нутром. Они прожигали наотмашь.

Униженная и раздавленная, я поползла вперед, стараясь не думать о том, как это выглядит. Не представлять, как мы смотримся со стороны — я, извивающаяся на полу, и они, наблюдающие сверху вниз с самодовольными ухмылками.

Но что-то во мне начинало просыпаться, несмотря на ужас происходящего. Что-то первобытное, животное, отказывающееся подчиняться разуму.

Лар бросил с издевкой:

— Хороша шалава!

Я на секунду застыла, но тут же заставила себя продолжить движение. Лучше ползти самой, чем ждать, когда они начнут подгонять ударами или еще чем похуже.

Когда я дотащилась до арки, сердце билось так сильно, что, казалось, грохочет на весь зал.

— Ползи дальше, — голос Кая эхом отразился от стен, пола и потолка — ровный и лишенный цвета.

Я пересекла проем, и в тот же миг стена сомкнулась за моей спиной. Темнота обволокла меня — будто одеда. Она была не абсолютной: приглушенный свет лился откуда-то снизу, из-под пола, расцвечивая пространство янтарным свечением. На полу лежал ковер — или что-то вроде него. Мягкое и плотное.

Я ошеломленно остановилась: ковер под моими ладонями ощущался как живой. По коже пробежал легкий ток — пол отозвался на мое прикосновение едва заметной вибрацией и теплом.

Я попробовала отдернуть руку. Поверхность отреагировала — тонко, едва уловимо. Это было настолько странно, что на мгновение я забыла о своем унижении, о страхе, о том, где нахожусь.

— Не стой, — голос Лара прозвучал откуда-то сверху. — Двигайся. Он любит движение.

Я неожиданно осознала, что пребываю под наблюдением. Впрочем, чему удивляться: было понятно, что Лар и Кай слышат и видят меня. Теперь, видимо, я никогда не была одна.

Почему-то вдруг вспомнилось, как однажды дядя Витя с мерзкой усмешкой сказал, что у меня «уже фигура». Мама рассмеялась, не придав этому значения. Я убежала в свою комнату, достала длинные штаны и просторный лонгслив.

С тех пор я не снимала эту одежду дома, даже когда царила невыносимая жара. Пряталась от собственного тела, от его форм, от чужих взглядов. А сейчас ползла почти нагая.

Пол подо мной теплел, настраивался, резонировал. Исследовал меня — и подстраивался под ритм дыхания, давление коленей, касания ладоней. Казалось, поверхность обладает разумом — она изучала меня с пугающей точностью. Пол дышал вместе со мной: то замедлялся, то ускорялся. Становился все более интимным, будто знал, где прикасаться.

Но я не хотела такого! Не могла хотеть. Эта предательская реакция тела была кощунством, извращением. Я ползла на четвереньках, униженная, сгорая от стыда — но мои соски напряглись, как от холода, а внизу живота начало пульсировать с мучительной настойчивостью.

Мозг еще боролся, отчаянно хватаясь за остатки здравого смысла. Но тело жило своей жизнью, откликаясь на каждое прикосновение живой поверхности.

— Чувствуешь? — голос Кая был спокойным, обделенным эмоциями. — Как он слушается твоего тела

Стыд накатил новой волной, обжигая щеки. Я ощущала себя обнаженной как физически, но и морально. Будто Кай и Лай видели не только тело, но и мои самые постыдные желания.

— Да эта блядь уже вся течет, — усмехнулся Лар. — Тело не умеет врать. Смотри, как под ней все дрожит.

Я резко попыталась остановиться. Замерла, опираясь на локти, вжимаясь в пол всем туловищем, пытаюсь не поддаваться наваждению. Но пол внезапно усилил пульсацию — словно обиделся и настаивал на продолжении.

Вибрация прошла по внутренней поверхности бедер, проникая все глубже, просачиваясь сквозь кожу. Она достигла низа живота, вызывая там какое-то болезненное напряжение. А затем волна дошла до груди, заставляя соски затвердеть.

— Не сопротивляйся, Ася, — развязно произнес Лар. — Это благодарность за твое послушание. Получай удовольствие, мы позволяем.

Я бессильно зажмурилась, хотя все равно особо не видела в темноте. Мышцы дрожали, возбуждение росло. Пол нащупал самое уязвимое место и действовал с упрямством живого существа.

Внутри меня пульсировал и рос импульс. Он распространялся по телу электрическим разрядом, принуждая каждую клеточку отзываться на эту противоестественную ласку.

— Ну что, ты уже не та хорошая девочка, какой попала сюда, не так ли? — насмешливо протянул Лар. — Ты наверняка вся мокрая, так?

Это было унижительной, но правдой. Мои трусики — если их можно было так назвать — насквозь промокли. Я не трогала себя там, но чувствовала это.

— Хочешь кончить? — вопрос Кая ударил меня под дых, раскрыл мой главный секрет, который не был секретом.

Лар ответил за меня:

— Мы знаем, что хочешь. Так что кончай, шлюха, а мы посмотрим, как ты это делаешь.

Лицо и так горело — а от этих слов так и вовсе вспыхнуло огнем. Я извивалась, цепляясь ногтями за пол, который ласкал меня, как умелый любовник: точно, выверено, волнами. Я никогда не была с мужчиной, но если секс мог приносить хотя бы долю таких ощущений, что я испытывала, это занятие определенно стоило того.

В какой-то момент все слилось: унижение, вибрация, тепло, подчинение. Эта вспышка не была похожа на обычную разрядку, когда я стыдливо гладила себя между ног перед сном, стараясь, чтобы мама и дядя Витя за стенкой ничего не услышали.

На этот раз все было как-то по-другому — сильнее, глубже, первобытнее. Тело плавилось, как воск под палящим солнцем. Мне чудилось, что я плачу, смеюсь, умираю — все сразу. Тело жгли огненные искры, а я сдавалась.

А затем наступила липкая тишина. Лара и Кая не было слышно. Я рухнула на живот, лицо коснулось пола. Он был теплым и безмятежным. Больше не подрагивал, не требовал, не играл — наверное, насытился, утолил свой голод.

Я лежала: практически голая, сломанная, отходящая от стыдного кайфа. Постепенно приходящая в себя и понимающая, что я только что сказала «да», пусть и не вслух.

Значило ли это, что я автоматически дала согласие делать со мной все что угодно? Показала себя развратной девицей, которую так легко соблазнить и довести до финала? Они знали, что я могу сломаться. Что и как нужно нажать, чтобы я потекла, застонала, сдалась.

Я сжалась в комок, прижала лоб к полу. Подступили слезы — но не от боли или страха.

А от того, что мне понравилось. Часть меня снова желала испытать ощущения от вибрации пола. Услышать голоса моих похитителей. Почувствовать, как тело против воли сдается.

И это было самое страшное — не то, что случилось, а то, что мне хотелось еще.

Глава 9. После

Пол под щекой казался умиротворяюще теплым и безмятежным, словно все произошедшее было тяжелым, липким сном. Но нет, это была жестокая реальность. К сожалению, все мои судороги и стоны были невыносимо настоящими.

Со дна души неотвратимо поднималось отвращение: к себе, своей податливости и тому, как тело легко подчинилось чужой воле. Как, несмотря на весь стыд и унижение, оно жаждало своего: жара, пульсации, запретного удовольствия.

Я зажмурилась до боли, впечаталась лбом в пол, пытаюсь вдавиться в него целиком, раствориться, исчезнуть. Но мерзкое чувство не отпускало — оно въелось в каждую клеточку, пропитало меня насквозь.

Выходит, я совершенно не знала себя. Не подозревала, какие темные глубины таятся внутри, какие извращенные желания прячутся за маской приличной девушки. То, кем я оказалась, ужасало до дрожи. Развратная, падшая, предавшая саму себя — вот кем я стала в одно мгновение.

Я начала вставать. Мышцы в теле протестовали, колени дрожали как желе, готовые в любой момент подогнуться. Тело казалось ватным, непослушным, не моим. Но не оставаться же было вечно в этом унижительном положении.

Темнота в комнате отступила. Свет стал медленно просачиваться отовсюду — неяркий, приглушенный, стесняющийся собственной яркости. Он лился сверху и снизу, мягко очерчивая контуры помещения. Предметы обрели свои очертания, выходя из тени и становясь более реальными.

Комната оказалась гораздо больше, чем я думала. Все тот же минимализм: кроме кровати, тут ничего не было, даже шкафчика или стола. Ковровый пол выглядел стандартно: не верилось, что совсем недавно он довел меня до оргазма.

Я миновала изгиб стены — и передо мной раскрылась ниша, скрытая полупрозрачной загородкой. За ней была ванная комната. Здесь была та же минималистичная эстетика, как и все, что мне попадалось на глаза. Все казалось плавным и текучим.

Ванна овальной формы была вмонтирована в пол. Она уже была наполнена, причем вода, видимо, была горячей — я заметила поднимающийся пар.

Неподалеку располагался встроенный в изогнутую линию стены унитаз — но он совсем не походил на обычный. Без сиденья и бачка, он выглядел как гладкая воронка, вырастающая прямо из пола. Поверхность мерцала в полумраке, а подступ к нему обозначался слегка приподнятым пьедесталом.

Сперва я сделала то, что представлялось постыдным в этой стерильной тишине. Затем шагнула в воду. Раздеваться особо не пришлось: на мне и так красовалось подобие одежды — обрывки ткани, пропитанные влагой, потом и стыдом. Я сорвала их с себя и бросила в сторону, даже не удосужившись посмотреть, куда они упали.

Вода действительно оказалась обжигающей — настолько, что я втянула воздух сквозь зубы. Она окутала меня, поглотила и растворила в себе. Первые секунды было больно — кожа вспыхнула, будто обожженная. Но почти сразу боль начала отступать, сменяясь гипнотическим ощущением растворения.

Я закрыла глаза. Не плакала — слез не было, лишь сдавленные всхлипы, похожие на вдохи. Я сидела и слушала, как стучало сердце. Как вода лелеяла кожу. Как я старалась убедить себя, что еще осталась собой после пережитого.

Спустя некоторое время я обнаружила, что в небольших выемках, утопленных в стенах, находятся какие-то средства в дозаторах. Я выдавила немного, намылила плечи, грудь, бедра.

Прикосновения сопровождалась тошнотой — я пыталась стереть отпечатки чужих взглядов, чужих слов, чужой власти.

Особенно тяжело было мыть между ног. Я не могла не вспомнить, как там пульсировало. Как пол ласкал меня, как тело отвечало. Казалось, я трогаю не себя — кого-то другого, того, кто принял это, кому понравилось.

Из головы было не вытравить воспоминания о том, как Кай спрашивал, хочу ли я кончить. Как Лар называл шлюхой. Все изменилось — так, что не смыть потоками воды и мыльной пеной.

Ступив на пол, я заметила полотенце и какую-то одежду — они лежали на зеркальном кубе у стены. Я напрягла память, припоминая, были ли они там изначально — не получилось. Я глядела на все как сквозь стекло — мутное, искаженное.

Одежда, как и ожидалось, не была повседневной. Никаких джинсов, кофт, футболок. Только тонкое черное белье — кружевное и вызывающее. Браlette и трусики с вырезами, нарочно подчеркивающими изгибы. А еще легкий, как паутина, халат.

Будто кто-то знал, что я не та, что была раньше — и подобрал наряд не для меня, а для той, в чьей коже я теперь жила.

Меньше всего мне сейчас хотелось наряжаться в такой сексуальный образ, но возвращаться в комнату обнаженной или надевать прежний, еще более откровенный, комплект было еще хуже.

Надев белье и халат, я подошла к зеркалу — матовому, но достаточно четкому, чтобы увидеть себя. Посмотрела на отражение — и не узнала. На меня смотрела девочка, одетая не по возрасту. Взгляд был слишком взрослым, как и наряд. Мне стало не по себе.

Не такого дня рождения я ожидала. Не то чтобы меня ждало что-то особенное. Но я хотя бы рассчитывала, что привычная жизнь не сойдет с рельс — а вышло иначе.

Насмотревшись на себя в зеркало, я вернулась в комнату с ковром. И застыла, ведь там меня ждали Лар и Кай.

Они не говорили ни слова — просто стояли. Замерла и я, полуобнаженная не только телом, но и до самого нутра.

Глава 10. Вопросы

Я неуверенно куталась в полупрозрачный халат, под которым почти ничего не скрывалось. Они уже все видели, но это ничего не меняло — видимо, все же во мне еще что-то осталось от той скромной девушки.

— Вы ждали меня? — кажется, это был нелепый вопрос. Но пусть так, чем позволить плотной тишине повиснуть между нами, а мне — задуматься о том, что будет дальше.

Лар ухмыльнулся. Его взгляд пробежался по моему телу, не скрывая интереса, но не задержался. Он выглядел максимально довольным происходящим. Красивым в своей сытости хищника.

— А как же, — Лар лениво потянулся. — Я возжелал лично глянуть, как ты после такого. Кончала ты знатно, мне аж самому вздрочнуть захотелось.

Я вспыхнула. Кай же молчал. Скрещенные руки на груди, холодный взор. Интересно, могло ли его хоть что-то вывести из себя? Я бы не стала проверять.

— Что это за место вообще? Где я? — решила я. Долше пребывать в неведении было уже невозможно.

— Это наш дом, — коротко бросил Кай.

— Отлично, — я скривилась, силясь скрыть страх. — Очень гостеприимный.

— Лучше, чем ты думаешь, — вставил Лар, его голос сочился ядом. — Тут даже душевные разговоры иногда случаются. Вот, например, сейчас.

— Это другой мир? Или какая-то тюрьма? — спросила я о главном.

Они переглянулись. Лар махнул рукой, как бы разрешая отвечать Каю. Тот медленно заговорил, взвешивая каждое слово:

— Это не Земля. Место называется Пространственная Пустота. Пока что это за пределами твоего понимания, но позже ты все поймешь. Не тюрьма, но и не курорт.

— Так я ваша жена на вырост? Зачем я вам?

— Потому что ты нам подходишь, — отозвался Кай. — Биологически и психологически. А еще там, где большинство рвется — ты выгнулась. Значит, ты та, кого можно... адаптировать.

— Звучит как «выдрессировать», — я сама удивилась своей смелости. Хотя терять мне было уже нечего. Почти.

Лар рассмеялся. Негромко, но искренне, его смех эхом отразился от стен.

— В этом и разница между нами. Ты все еще применяешь ко всему человеческие мерки. А здесь немного другие масштабы.

Честно говоря, ответы не прояснили примерно ничего. Но я была рада хотя бы этому — подобию обычного разговора, при котором меня не заставляют вставать на четвереньки, ползти и кончать.

— А мама? — ком подступил к горлу так внезапно, что голос сорвался. — Она думает, что я куда-то пропала? Меня объявят в розыск?

Кай посмотрел на меня ровно, без тени эмоций.

— Нет, — произнес он. — Она не думает ничего. Никто не помнит, что ты вообще существовала.

— Что?!

— Тебя уже нет в памяти тех, кто тебя знал, — бесстрастно уточнил Кай. — Как будто никогда и не было. Имя, облик, документы, фотографии, переписки — все полностью стерто.

— А ты теперь — наша дырка во Вселенной, — развязно добавил Лар. — В хорошем смысле, конечно.

Голова вдруг закружилась. Пальцами я вцепилась в края халата, а взглядом уцепилась за Кая, будто от его ледяной стабильности зависела реальность.

— Так не бывает, — пролепетала я.

Лар вновь захохотал, но его смех на этот раз почему-то был безрадостным.

— Сама подумай, а кому ты была нужна? Маме — вряд ли больше, чем стакан. Своему так называемому отчиму — о да, планы у него на тебя были грандиозные, ничего не скажешь. На работе — таких официанток пруд пруди.

Мне стало больно. Каждое слово Лара било точно в цель.

— Мы выбрали тебя, — закончил Кай, — в том числе потому, что до тебя никому не было дела.

Лар наклонился ко мне, глядя внимательно.

— Смотрю, ты все еще цепляешься за ту жизнь? Это ж был пиздец. Здесь у тебя появился второй шанс.

— Вряд ли это лучше, — горько вздохнула я. — Стать кем-то здесь.

— Тебе понравится, — уверенно кинул Лар.

Я хотела выпалить, что вряд ли, но почему-то спросила о другом.

— Откуда взялись другие девушки? Те, с которыми я была на занятиях. Они тоже...жены на вырост?

— Ого, кто-то начал задавать неудобные вопросы, — усмехнулся Лар.

— Да, — спокойно ответил Кай. — Некоторые из них — с Земли, как и ты. Некоторые — с других планет.

— А почему бы не жениться на... своих?

— У нас не рождаются женщины.

— Как это?

— Особи женского пола не могут появляться тут — их энергия сопротивляется Пустоте, — пожал плечами Кай. — Только призванные извне стабилизируют этот хаос.

Я покачала головой, стараясь вытрясти из нее их ответы, как песок из ушей после купания. Ничего не было понятно.

— Вы получаете от этого удовольствие? — спросила я, хотя смысла было немного — это все равно ничего не меняло. — Когда делаете... все это? — я не стала уточнять, что имею в виду.

— А то, — хмыкнул Лар. — Да ты и сама текла, как сучка, не отпирайся. Напросилась, можно сказать. Зад свой выпятила, ножки раздвинула. Просишь без слов ты сладко, ничего не скажешь.

Жар взрывной волной окатил меня с головы до пят. Возразить было нечего.

Я резко повернулась к Каю, ища в его глазах хоть каплю сочувствия.

— А ты?

Он ответил не сразу. В его лишенном эмоций тоне было что-то пугающее.

— Это не вопрос удовольствия. Ты для нас как огонь. В нем можно стореть, а можно выковать оружие.

— Ты пока просто сырье — Лар опустился на край кровати, его поза была расслабленной и небрежной. — Но в сырье есть потенциал. Иногда из него вырастает нечто прекрасное. Этим мы и занимаемся.

Кай кивнул, его лицо было непроницаемым.

— Ты — нестабильная система. Вот и проверяем, в какую сторону качнет.

Я опустила глаза. Мир, в который меня забросило, казался все менее фантастическим и все более необратимым.

— Выходит, я — вещь, — пробормотала я.

— Твоя ценность не в тебе, — отрезал Кай. — А в том, как ты отреагировала на пол, боль, подчинение. Это — показатель. Больше тебе знать необязательно.

— Ты — предохранитель, — протянул Лар. — Без тебя кое-что начнет разваливаться, да. Не вздумай вообразить, что это делает тебя особенной. Заменяемы все.

— Но почему именно я? — прошептала я. — Что во мне такого? Я была никто. Ничего из себя не представляла. Никому не была нужна. Почему я?

— Именно поэтому, — пожал плечами Лар. — Потому что ты в курсе, что такое быть пустой. А такие, как ты, умеют заполняться. До краев.

От этих слов по спине прошла дрожь. Лар говорил почти шепотом, но я отчетливо слышала — на этот раз в голосе не было издевки.

— Да, тебя стерли с лица Земли, — продолжил он. — Но ты наконец попала туда, где можешь быть полезной. Важность — это побочный эффект, не награда.

Я не понимала, как на это реагировать. Где была ложь, где манипуляция, где попытка уговорить — не могла отличить.

— Я... не знаю, смогу ли, — честно проговорила я, — быть тем, кем вы хотите.

— Ты станешь тем, что от тебя потребуется, — отчеканил Кай. — У тебя нет выбора, Ася.

— Это начало, птенчик, — Лар вскочил с кровати и приблизился ко мне вплотную. — Скоро ты сама не сможешь без нас.

Он склонился к моему уху и жарко выдохнул:

— Твое тело чувствует, кто его пробудил. Дальше будет крепче и глубже. Без права на отказ.

Меня тотчас прошел электрический разряд, а внизу живота завязался тугой узел предвкушения. Часть меня — та, которую я пыталась утопить в воде, стереть мылом, вытравить из себя — тянулась к ним. И уже боялась не их, а себя.

— Полюбила вибрацию, сладкая? — Лар сделал еще шаг, и я машинально попятилась. — Это была прелюдия. Дальше тебя будет ласкать не пол — мы сами возьмемся.

Глава 11. Лица

Несмотря на угрозы, мужчины ушли, не коснувшись меня. Лар напоследок обдал таким развратным и многообещающим взглядом, будто мысленно уже нагнул — картинки вихрем пронеслись в сознании. Внутренности сжались так, что стало тошно... и жарко. Низ живота моментально налился сладостной истомой. Но Лар усмехнулся, переглянулся с Каем — и оба растворились, оставив меня одну.

Воздух мгновенно стал густым, вязким, почти осязаемым. Я вслушивалась в каждый шорох этой проклятой тишины, ожидая, что вот-вот стена снова разверзнется, впуская обратно Лара и Кая — или кого-то другого, еще хуже.

Но минуты шли, а ничего не менялось. Рассеялся даже запах железа и апельсина.

В ушах все еще звенели слова Лара: «Скоро ты сама не сможешь без нас». Звучало абсурдно, но походило на правду. Мысли о моем падении на ковре заставляли сердце заходиться в бешеном ритме, а щеки пылать. Страшно подумать: если до такого меня довел какой-то пол, что же будет, если ко мне прикоснется кто-то из моих... мужей?

Я зажмурилась и потрясла головой. Это был какой-то бред: настолько всерьез размышлять об этом, чуть ли не фантазировать. Я, видать, начала сходить с ума — если еще не сбрендила.

Воспоминания о маме, дяде Вите и моей былой жизни отделились, покрылись слоем пыли. Так странно: еще пару дней назад это была моя единственная возможная реальность, а сейчас все чудилось сном, отдаленным прошлым. Чем-то, что происходило не со мной.

Я села на край кровати — туда, где сидел Лар. Обхватила себя руками, словно это могло защитить от невидимых угроз. Хотелось разрыдаться. Или рассмеяться в лицо этому кошмару. Или перестать существовать. Я еще не решила.

Я и не заметила, как провалилась в забытье. В беспокойный, душный полусон — не раздевшись и не укрывшись. Застыв в позе готовности к бегству, и во сне помня о необходимости быть начеку.

Проснувшись я от того, что тело стало невыносимо липким. В комнате не было жарко, но почему-то я испытала желание смыть с себя хоть что-то. В идеале — весь вчерашний день. Жаль, что это было невозможно.

Свет, как и прежде, струился отовсюду и ниоткуда. Здесь не было ни утра, ни ночи: лишь эти тишина и стерильность, в которых можно было потерять себя. Что я уже и сделала, наверное.

Я медленно поднялась. Халат держался на плечах из-за того, что ткань прилипла к коже. Под ним было все то же кружевное белье. Вчера оно воспринималось униформой падшей, сегодня — напоминанием, кем я больше не была. Или все-таки стала?

В ванной все оставалось прежним: набранная вода, гладкая ванна, туалет без бачка. Завершив утренние необходимые дела, я залезла в обжигающе горячую жидкость. Это было кстати. Пусть сожжет остатки сна и чувств. Очистит не только тело, но и душу от всего, что накопилось за эту бесконечную ночь.

После я вытерлась чистым полотенцем — оно появилось на том же зеркальном кубе самой собой. Сложила халатик и бельевого комплект, снова надела наряд, выданный в Школе послушания — он лежал тут же.

Я едва успела сесть на кровать и совершить глубокий вдох, как стена дрогнула. На пороге красовались Лар с ухмылкой на лице и Кай со взглядом-скальпелем.

— Ну как там твоя киска, не пересохла без нас? — весело пропел Лар. — Поди надеялась, что мы забудем, где ты, подстилка?

Я не произнесла ни слова. Молчание было моим щитом, моей броней в этом безумном мире.

— Вижу, утро прошло продуктивно, и ты освежилась, — Кай бросил взгляд на мои влажные волосы. — Это плюс.

— А если б не помылась? — вырвалось у меня.

— Тогда мы бы сами тебя вымыли, — Лар порочно подмигнул. — Я не против грязных шлюшек — но в другой ситуации.

— Для начала — Школа, — отрезал Кай. — Уроки — часть инициации. И чем раньше ты это поймешь, тем будет лучше для тебя же.

Я судорожно кивнула, ощущая, как привычный страх сковывает ледяными тисками. Меня явно к чему-то готовили — но к чему? Быть женой? Или к чему-то пострашнее?

Мы пошли тем же путем: темно-зеркальные стены, в которых искаженно отражалась моя нынешняя действительность, слабый свет, бесшумные коридоры.

Затем улица с ее безупречными линиями и кубическими формами. Город выглядел не как пространство для жизни, а как макет — правильный, бездушный, построенный для чужих глаз. Но происходящее зашло слишком далеко, чтобы быть чьей-то выдумкой.

И снова Школа послушания. Ученицы стояли стройными рядами, как и в прошлый раз. Я окончательно поняла, что внутри у них — не страх, а пустота. Та, что заполняется, превращая людей в послушных марионеток. Такой предстояло стать и мне — если подчинюсь и сломаюсь.

Я заняла свободное место. Кто-то равнодушно покосился на меня, кто-то не пошевелился вовсе.

— Встань ровнее, — шепнула одна из девушек сбоку.

Я обернулась. Та самая — с карими глазами, симпатичная. Та, что вчера выполняла задание первой.

— Лика, — представилась она. — Я тоже с Земли. Ты ведь новенькая?

— Да, я Ася.

— Ну что, далеко твои зашли?

Я не сразу уловила, о чем речь.

— В смысле?

— В смысле — уже в тебе были? Или пока играли? — вопрос был предельно простой, и при этом — настолько обнажающий, что на секунду захотелось вжаться в стену.

Я молчала, не зная, как ответить. Лика кинула на меня короткий взгляд и, видимо, все поняла.

— Значит, нет, — констатировала она. — Меня в первую же ночь посадили сверху. Сказали, что научат удерживать ритм. И научили. С утра встать не могла — сидеть, тем более.

Я чуть не задохнулась от этой прямоты. Лика говорила об этом так спокойно, что не было понятно — то ли эта боль стала для нее будничной, то ли ей... понравилось. А что, если это было заразно? Я смотрела на новую знакомую, не в силах вымолвить ни слова. А внутри все сжималось. Оказывается, я еще легко отделалась. Пока.

— Тебя пока пробуют на вкус. Советую расслабиться и получать удовольствие — у тебя все равно нет выбора.

Спокойствие Лики обескураживало. Казалось, она болтала о погоде, а не о том, что перевернуло мою жизнь с ног на голову.

— Спасибо... — выдохнула я, сама не осознавая, за что именно благодарю. За понимание? За равнодушие? За то, что не ткнула пальцем в мое унижение?

Лика наклонилась чуть ближе, ее шепот стал интимнее:

— Если будешь держаться рядом, подскажу, что делать. Запомни: здесь выживает не сильнейший, а хитрейший.

Я молча покивала. Что-то во мне осело, скрутилось, затихло. Внутренний голос, шептавший «беги», наконец заткнули.

Внезапно дверь в зал распахнулась — вошли Надзирательницы. Не те, что вчера — какие-то другие. Но все они были похожи. Все девушки замерли в безупречной стойке, и я — вместе со всеми, стараясь не выдать страха и отчаяния.

Стартовал новый урок выживания в этом аду — только теперь я догадывалась: этот ад будет не снаружи. А внутри меня.

Глава 12. Просьба

Мы выстроились в шеренгу. Все как на подбор: опущенные плечи, ровные спины, пустые взгляды, не выражающие ни воли, ни протеста. Каждая напоминала куклу, вытесавшую себя из страха и повиновения. Такой же выглядела и я.

Сбоку от меня стояла Лика. Спокойная, устойчивая. Как будто она уже прошла через все круги этого ада и давно согласилась с тем, чего от нее хотят.

Я украдкой смотрела на нее и не понимала: она проиграла или выиграла, приняв правила? Или растворилась в системе, став ее частью — такой же гладкой и холодной, как стены Школы, такой же бесцветной, как униформа на наших телах?

Воздух в зале был плотным, вязким, будто из жидкого стекла. Ни звука, ни движения. Я не знала, чего ожидать, и оттого во мне пульсировало напряжение. Оно текло по венам, копилось между ног, в груди, в горле. Во мне зудело ожидание: не боль, но ее обещание.

— Сегодня будет урок речи, — объявила Надзирательница, прохаживаясь вдоль рядов.

Каблуки отстукивали по полу ровно, бездушно, без права на сбой. В кожаных перчатках, с идеальной осанкой и отточенной жесткостью во взгляде — не верилось, что эта женщина живая. А может, она и была роботом, обладающим искусственным интеллектом?

— У каждой из вас есть рот, — продолжала она. — Это — инструмент. Но мало просто говорить: нужно уметь озвучивать желания и то, чего вы хотите. Признавать это перед собой и другими. Иначе вы останетесь пустыми оболочками, неспособными даже на удовольствие.

Неужели тут, в этом мире, у нас могли быть свои желания? Не успела я удивиться, как дальнейшие указания рассеяли мои иллюзии. Надзирательница остановилась напротив одной из девушек — той, что была с зеленой кожей — и негромко приказала:

— Попроси, чтобы твои мужья тебя потрогали.

Я аж вздрогнула — настолько неуместным показался мне приказ тут, в окружении молчаливых кукол и строгих надсмотрщиц. Однако все сохраняли каменные лица. То ли уже ничему не удивлялись и подобное было очень в порядке вещей, то ли скрывали недоумение.

Девушка задрожала, но сжала кулаки, склонила голову и пробормотала:

— Потрогайте меня... пожалуйста.

С удивлением я отметила про себя: оказалось, были и те, кто еще не сломался. Или ломались медленнее, чем я.

— И что, ты думаешь, что просьба, сделанная в такой форме, звучит очень сексуально?

Девушка молчала.

— Я жду ответа.

— Нет... — еле слышно пролепетала бедолага.

— Тогда проси так, чтобы тебя слышали.

— Я... хочу, чтобы вы сделали со мной все, что хотите, — запинаясь, выдавила из себя девушка.

На последнем слове ее голос дрогнул, а я вся сжалась изнутри. Воздух почудился мне обжигающим кипятком. Он давил, распирал изнутри, заставляя мои щеки и уши пылать.

Потом был черед следующей — и еще одной, и еще. У каждой была своя интонация, свой способ выговорить непроезжимое.

«Отымейте меня так, чтобы я забыла, кто я». «Я умоляю, возьмите меня как шалаву». «Я ваша безотказная рабыня, и мои дырки созданы для вас».

Большинству учениц слова давались крайне легко: они слетали с губ без запинки — как будто девушки не впервые проделывали такое. Может, и правда не впервые.

Но одна сорвалась. Она открыла рот, попыталась заговорить, но вместо этого всхлипнула. Быстро зажала рот рукой, но было поздно — по щеке уже катились слезы. Надзирательница ничего не сказала, но явно запомнила эту несчастную.

Развратные слова как кнуты били по моей коже. Очередь неумолимо приближалась. Все меньше тел оставалось между мной и голосом, требующим невозможного.

Я должна была сопротивляться. Мне казалось, я до сих пор сопротивляюсь. Но почему тогда фраза уже давно крутилась у меня в голове? Почему я мысленно перебирала формулировки — короче, грубее, извращеннее? Почему внутри дрожало не только от страха, но и от чего-то, что я не могла назвать — и не хотела?

— Новенькая, — отчеканила Надзирательница. — Попроси, чтобы тебя потрогали. И говори так, чтобы мы тебе поверили.

Я выбрала слова — повторяла их про себя, как заклинание, еще со второй участницы. Но вслух — это было по-другому. Представлялось совершенно неисполнимым.

— Я хочу, чтобы вы трахнули меня как вашу личную шлюху, — проямлила я.

— Громче, — отрезала женщина. — Не для нас, а для себя. Услышь, как ты звучишь.

— Я хочу, чтобы вы трахнули меня как вашу личную шлюху, — повторила я. Но голос все же сорвался, выдав меня.

— Неубедительно, — заключила Надзирательница. — Ты должна научиться хотеть этого. Не притворяться — а хотеть. Скажи еще раз. Так, чтобы тело тебе поверило.

Я закрыла глаза. Представила пол — тот самый, вибрирующий. Знающий мои ритмы лучше меня. Вспомнила, как легкая пульсация сводила с ума. Как я растворялась — в стыде, в боли, в наслаждении. В себе, неведомой ранее. Которой, как выяснилось, всегда была здесь — только под слоями приличий и запретов.

— Я хочу, чтобы вы трахнули меня как вашу личную шлюху, — выдохнула я, и слова не казались чужими. Они были моими. Я выдыхала их вместе с жаром между ног.

— Неплохо, — кивнула Надзирательница. — Но еще работать и работать.

И пошла дальше по ряду, оставляя за собой шлейф холода и напряжения. В висках стучало, между бедер было тепло и сыро. А на душе — страшно. Не от сказанного, а от того, как глубоко это откликнулось.

Лица склонилась ко мне.

— Хорошо сказала, — прошептала она. — Почти поверила. А почти — уже много. Потом научишься делать это так, что они будут дрожать. А ты — нет.

Я хотела ответить, но не смогла. Меня трясло. В этом треморе было что-то большее, чем страх. Что-то, что начало жить и было правдой.

— Ты еще произнесешь это на коленях и по своей воле, — напоследок шепнула мне Лица. — Все мы проходили через это.

Я содрогнулась, но не от слов своей новой знакомой. А от того, что внутри себя почему-то знала, что рано или поздно скажу — добровольно, стоя на коленях. И мне это понравится.

Глава 13. Заслужить

Я не знала, сколько прошло времени после того, как Надзирательницы покинули зал. Минуты смешались в вязкий, липкий поток ожидания. Мы продолжали стоять, обратившись живыми манекенами. Я не понимала, как себя вести, поэтому тоже вросла в пол.

Ли́ка не говорила ни слова. Мне не нужны были ни сочувствие, ни советы. Я была благодарна за это молчание — она давала мне возможность собраться с мыслями, хотя мыслей как раз и не было.

Я не могла понять, чего хочу больше — раствориться в пространстве или, наоборот, стать чем-то осязаемым. Хотелось исчезнуть из этого зала и одновременно с этим — впечататься в его стены, превратиться в их неотъемлемую часть.

Мое сознание металось между желанием броситься прочь и остаться на месте, между страхом и каким-то болезненным любопытством. Кто я? Чего боюсь? Что вообще происходит?

Наконец двери распахнулись, и девушки уверенным шагом куда-то отправились. Я наблюдала за их удаляющимися фигурами. Запоздало подумала, что было бы хорошо познакомиться с кем-то еще помимо Ли́ки. Возможно, среди них нашлись бы те, кто смог бы объяснить мне этот своеобразный мир более доходчиво, чем моя знакомая.

Но время было упущено, все уже ушли, и я решила поболтать с кем-нибудь в другой раз. В том, что он будет, я уже уверилась окончательно.

Только сейчас я сообразила, что не знаю, куда идти. Меня приводили сюда Лар и Кай, и обратно я уходила тоже с ними, никогда не пытаюсь запомнить дорогу. А что, если они не придут?

Не успела я испугаться, как на пороге появились двое — те, кого я жаждала и боялась увидеть. Их взгляды — один ледяной, другой обжигающий — столкнулись в воздухе, порождая взрывоопасную смесь. Оба смотрели на меня снизу вверх — так по-собственнически, словно я уже покорно стояла перед ними на коленях. При мысли об этом я вся вспыхнула, снаружи постаравшись остаться невозмутимой.

— Мы за тобой, — произнес Кай, и его голос показался мне особенно громким в этом безмолвии.

Я машинально шагнула вперед.

— Почему приходят только за мной?

— Остальные уже не новенькие, — протянул Лар, растягивая слова с присущей ему развязной ленцой. — Они в курсе, как возвращаться. А ты — нет. Мы же не хотим, чтобы ты потерялась.

Получается, лишь я находилась под таким пристальным наблюдением. Но почему тогда никто не сопротивлялся, не стремился сбежать? Хотя куда здесь убежишь — эти бесконечные коридоры и улицы будто вели в никуда.

Мы вышли из зала — я пристроилась между ними. Наша троица перемещалась по уже немного знакомому маршруту. Я озиралась по сторонам более осознанно, чем прежде, силясь сохранить в памяти хоть что-нибудь.

Изредка попадались отражающие поверхности: они слегка вытягивали тени, ломая пропорции. Мое отражение казалось тоньше, прозрачнее. Может, я действительно уменьшилась, стала менее собой?

Лар и Кай шагали, не пытаясь заговорить или ускорить шаг. Их присутствие давило, но создавало странное ощущение защищенности. Я украдкой косилась на их силуэты: Кай был высоким и поджарым, Лар — мощным и опасным, как хищник в засаде.

Мы двигались в тишине, пока ее не нарушил Лар:

— Говорят, ты научилась просить, — его голос был вкрадчивым. — И даже не фальшиво, а так, что одна из Надзирательниц еле сдержалась. Мне вот интересно — ты это для них старалась или все-таки для нас?

Я опустила взгляд. Кровь прилила к щекам, а губы сами сжались в тонкую линию. В уме проносились мысли — отрицать? Сказать правду? Но какая тут может быть правда? Лучше всего было молчать. Наверняка они уже все поняли лучше, чем я сама.

— Неважно, — тихо, но отчетливо продолжил Кай. — Главное, что это не ложь. Ты почувствовала, как это звучит, когда искренне.

— И тебе понравилось быть услышанной, — Лар усмехнулся и повернул ко мне голову. Я не глядела на него, но заметила это краем глаза. — И пусть ты еще не осознаешь, чего хочешь — зато тело уже знает.

Тепло залило меня от макушки до пят. Щеки загорелись как после пощечин, соски явственно проступили сквозь ткань, а низ живота отозвался сладкой болью. А самое тревожное — я не представляла, как остановить это. Как снова стать той, кто не дрожит от их голосов, прикосновений, слов.

— По тебе все видно, Ася, — Лар мазнул по мне взглядом, от которого по коже побежали мурашки. — Здесь нет смысла врать, особенно себе.

Его слова ударили под дых, выбивая воздух из легких. Я сжала руки в кулаки, пытаюсь удержать крохи самоконтроля. Но внутри все трепетало, плавилось, трансформируясь в какую-то новую, незнакомую мне субстанцию.

Остаток пути прошел в молчании, но мне все равно было очень не по себе. Меня видели насквозь, но я даже сама не понимала, что именно чувствую и как я к этому пришла.

Мы вернулись в ту самую комнату с ковром. Видимо, это была моя комната — по крайней мере до тех пор, пока мои мужья не захотят делить со мной постель. Или они будут посещать меня по очереди? Предательски богатое воображение тут же нарисовало картины настолько яркие, что я едва смогла сдержать пробежавшую по телу дрожь.

Кай и Лар пропустили меня. Я уже знала этот сценарий: шагнуть — и оказаться в ловушке. И я совершила этот шаг — разве у меня был выбор? Однако не услышала привычного щелчка. Дверь не закрылась.

— Стой, — тормознул меня Кай. — Ты, наверное, хочешь есть?

Я не ощущала, насколько голодна, пока он не произнес это. Желудок заурчал так оглушающе, что мне захотелось провалиться сквозь пол.

— Очень, — выдохнула я.

— Отлично, — Лар хлопнул в ладони, его глаза хищно блеснули. — Но сначала небольшая разминка, птенчик. Еду необходимо заслужить.

Эти фразы не были угрозой, скорее — приглашением. Призывом сыграть по их правилам. Мне внезапно стало любопытно, как далеко я готова зайти. Я чуть ли не ахнула вслух от этого ужасного открытия.

Кай и Лар вошли и закрыли за собой дверь — и теперь уже был щелчок. Оба они замерли у входа, оценивающе и внимательно глядя на меня. Их взгляды раздевали, делая беззащитной перед их властью.

— Ложись на кровать, — скомандовал Кай.

— На спину — и раздвинь ножки, шлюшка, — прошипел Лар.

Было страшно предположить, к чему все это вело. Но вряд ли у меня была реальная альтернатива. Они получили бы желаемое в любом случае. Подумалось, что если я подчинюсь — хоть на секунду покажется, будто у меня есть контроль. Да, вот так абсурдно.

Вроде бы Лар и Кай не собирались меня насиловать. Но отказаться означало остаться голодной — и не только телом. В сознании промелькнула мысль, что еда — не единственное, чего мне вдруг стало не хватать.

Кай молча наблюдал — как обычно. Его присутствие чувствовалось не меньше, чем развратные и неприличные слова Лара.

— Мы не будем трогать тебя, — отчеканил он. — Пока.

— Сегодня сделай это сама, наша ненасытная сучка, — подмигнул мне Лар. — Покажи, что умеешь доставлять себе удовольствие — а заодно доставь удовольствие нам. Без этого ты не получишь ни крошки.

Глава 14. Лежи и смотри

Я сглотнула — во рту пересохло. Неверяще вскинула голову, столкнувшись со взглядами мужчин: в глазах Кая плясали отблески пламени, а в глазах Лара — ледяные искры. Тут снова было без вариантов.

И вдруг поняла: если не сделаю это, если отвернусь, откажусь — все равно в итоге стану не сопротивляющейся, а сломанной. А я хотела быть той, кто выбирает — даже если выбора нет.

До сих пор не веря тому, что все это происходит в реальности, я легла на спину прямо в своей форме Школы послушания. Кровать показалась мне особенно жесткой и неудобной — но не настолько, как то, что мне предстояло совершить.

Опыта в мастурбации у меня было совсем немного. Я редко оставалась одна, да и времени на это не было. И, разумеется, речи не шло о том, чтобы проделывать такое при посторонних.

Кай высился у изголовья. Он не говорил ничего, просто следил, и этого было достаточно, чтобы я ощутила, как по коже пробежали мурашки размером с кулак.

Лар, напротив, был совсем другим. Он подошел ближе, его массивная фигура заполнила пространство у края кровати. Темно-рыжие волосы, взъерошенные, как будто он только что проснулся, и янтарные глаза, горящие неугасимым огнем. Он сжигал меня насквозь.

Я медленно согнула ноги в коленях и раздвинула их. Смятое платье поднялось выше, обнажая бедра. Лар улыбнулся, его губы растянулись в удовлетворенной гримасе. Я зажмурилась — так было проще перенести этот стыд.

— Не, так не пойдет, мелкая, — практически сразу услышала я голос Лара. — Смотри на нас, когда ласкаешь свою киску.

Я послушно перевела взгляд с одного на другого. Осознание того, в какой разнузданной позе я лежу перед двумя незнакомцами, удивительным образом взбудоражило меня. Если до этого я была максимально далека от возбуждения, то под пристальным наблюдением мужчин вдруг испытала, как все внутри заныло от непривычного, стыдного томления.

Но все же я не знала, как подступить, с чего начать. Это было совершенно немыслимо — дотронуться себя там, да еще и суметь довести себя до финала, когда находишься не одна.

— Забыла, где щелка, шалава? Подсказать?

Я аж подскочила на кровати и тут же выпалила:

— Не надо! Я сама...

Деваться было некуда. Я опустила правую руку ниже, к краю трусиков. Внутрь ее запускать не стала — обычно гладила себя поверх ткани. Первая попытка оказалась жалкой: пальцы соскальзывали, тело напрягалось — было ощущение, что я пытаюсь заставить чужую оболочку слушаться.

Но все же я не сдавалась. Коснувшись белья, почувствовала мокрую ткань — даже не подозревала, что успела так возбудиться. Осознание шарахнуло по мне электрическим разрядом: неужели я так порочна?!

— Что, уже вся влажная, шлюшка? Я так и думал, — хмыкнул Лар. — Притворяешься невинной овечкой, а сама дырка еще та.

Почему-то эти фразы подстегнули меня, и я ускорила движение, пока во мне нарастало напряжение. Понимание порочности ситуации, моя крайне неприличная поза, до невозможности развратные слова: все это смешивалось в безумный термоядерный коктейль.

Мои пальцы скользили по трусикам, а с губ уже срывались стоны, громко звуча в тишине комнаты. Тем временем Лар шептал грязные словечки, подстегивая меня. Как бы я ни была сосредоточена, представлялось невозможным полностью абстрагироваться от его жаркого шепота.

— О да, покажи, какая ты похотливая блядь... Мне нравится, как ты трахаешь себя... Течешь, как сучка...

Кай по-прежнему молчал, но его взгляд изменился, стал более заинтересованным и пытливым. Лар, напротив, был весь в огне, его слова превращались в нечто более грязное и оскорбительное.

— Ебливая шлюха нам попалась... Так и напрашивается на то, чтобы мы ее отодрали во все щели...

Мои движения становились все быстрее и настойчивее, а стоны — отчаяннее и громче. Я уже окончательно позабыла о приказе глядеть на своих мужей и в экстазе прикрыла глаза.

Такого со мной раньше не случалось: это желание было похоже на голод. Или на глубоко запрятанного зверя, которого не кормили годами. И когда выпускаешь его наружу — он жрет тебя подчистую.

— Смотри прямо на нас, если не хочешь, чтобы мы выебали тебя в твои дыры прямо сейчас, — отчеканил Кай, и эти его слова оказались последней каплей.

Еще несколько сильных движений — и оргазм резко накрыл меня. Я задыхалась, выгибалась, цеплялась за простыни, стараясь удержаться в теле, которое больше не принадлежало мне. Мысли исчезли, осталась лишь яркая вспышка, после которой была пустота.

Спустя время я открыла глаза, восстанавливая дыхание. Лар и Кай по-прежнему стояли рядом. Лар довольно ухмылялся, а выражение лица Кая было нечитаемым.

— Ну вот, — мягко пробормотал Лар. — Послушная девочка. Мы стали ближе друг другу, правда?

Я лежала, а тело дрожало и отходило, и еще торопливо билось сердце, отдаваясь в висках. Мне хотелось закрыться, спрятаться от этих внимательных взглядов, но был ли в этом толк? Кай и Лар добились своего, и это было только начало.

Внезапно я вспомнила себя прошлую. Ту, что сутками залипала в книгах, краснела от поцелуев в сериалах и прятала глаза, когда кто-то упоминал слово «презерватив».

Куда она делась? Я не узнавала себя. И хуже всего — мне это не казалось катастрофой. Я чувствовала себя не сломанной — но дикой и живой.

Какое-то время мужья молчали, изучающе глядя на меня — съездившуюся, проживающую случившееся.

— Ты молодец, — наконец невозмутимо изрек Кай, скрестив руки в перчатках. — Теперь поешь.

Из стены, как по команде, выехал серебристый куб — похожий на тот, чтобы был в ванной. На нем располагалась еда — и вновь нормальная, а не то унылое месиво.

— Можешь не садиться на пол, — снисходительно проговорил Лар. — Сегодня мы добрые.

Я села, дрожа. Обняла себя, будто желая одеться в свои ладони. Но почти сразу разомкнула собственные объятия и потянулась к пище. Сначала аккуратно, потом уже жадно, наплевав на приличия — успеть бы наестся, пока не отобрали еду.

Вкус был странным. Не еда, а одобрение, награда. Прикосновение — но не к телу, а к роли, в которую меня затягивало. Я не знала, что страшнее: остаться голодной или привыкнуть к этой пище.

Было чувство, что Лар и Кай кормят новую версию меня — ту, которую они только начали лепить. Я жевала и ощущала, как новоиспеченная я укладывается в мое старое тело.

Кай наблюдал, как я ем.

— Тыходишь в фазу, — сказал он.

— В какую?

— В ту, где хочешь большего. Где тебя уже не пугает то, чего ты сама жаждешь.

Лар подлил масла в огонь:

— И где ты начнешь просить не за еду. А просто так — потому, что тебе самой будет нужно.

Я дожевывала очередной кусок, но вкус будто исчез. Не оттого, что еда была плохой — напротив. Просто часть меня уже действительно хотела чего-то другого. Не пищи, воды, сна или похода в туалет — хотя последнее, признаться, не помешало бы.

Но еще кое-что жгло изнутри. И опасно было не это — а то, что я не отвергала желание: изучала его, щупала изнутри.

— Ты хорошо справилась, — подытожил Кай. — Поэтому скоро ты будешь с нами. По-настоящему.

Глава 15. Платформа

На следующий день Кай и Лар снова проводили меня в Школу послушания. Мы шли молча. Лар насвистывал что-то под нос, как будто ему было скучно, а Кай, как всегда, не смотрел в мою сторону.

Я запомнила дорогу — даже с закрытыми глазами могла бы дойти. Но сообщать об этом не стала. Да и моим провожатым, кажется, было все равно.

У входа в здание Кай остановился.

— Дальше сама, — бросил он.

На этот раз в центре зала появилось возвышение, больше похожее на сцену или алтарь: идеально ровная платформа с мягкой подсветкой по краям.

— Сегодня урок принятия восхищения, — объявила одна из Надзирательниц.

Я не сразу сообразила, о чем она. Как можно учиться принимать восхищение? И вообще — чье? Я бы не сказала, что тут мною кто-то собирался восхищаться.

Но у надсмотрщиц было иное мнение.

— Ваши формы вызывают желание, — проронила Надзирательница без тени эмоций. — Вы научитесь не отвергать это, а соглашаться. Молча и полностью.

Она сделала паузу. Почему-то вступление почудилось мне очень зловещим.

— Ваша задача — не выговорить похвалу, а принять ее телом. Показать, что вы благодарны.

По телу пробежали мурашки. Как мы должны будем это... показать?

— Слова обесценивают, — изрекла другая. — Покажите, что вы согласны. Только так мы узнаем, кто из вас способна преобразовать восхищение в силу.

Я украдкой обвела зал взглядом. Ученицы молча стояли в полупрозрачных обтягивающих бордовых и розовых платьях. Они были похожи на одинаковых красивых кукол, которых готовили к продаже. И я была одной из них.

— Первая, — указала Надзирательница на светловолосую девушку. — Поднимись на платформу.

Та подошла к подиуму, без промедления поднялась на него. Однако было заметно ее волнение.

— Ты прекрасна, — промолвила женщина. — Твое тело возбуждает. Ты это знаешь?

Девушка закусила губу и нерешительно кивнула.

— Покажи, что признаешь комплимент, — отрезала Надзирательница. — Не словами, а телом.

Если честно, мне было совершенно непонятно, что именно нужно сделать. Улыбнуться? Прижать руки к груди в молитвенном жесте? Поэтому я была рада, что первой вызвали не меня — можно было подсмотреть за другими и взять идеи на заметку.

Блондинка опустила на колени, несмело прикоснулась лбом к полу. Потом распрямилась — и провела ладонью по своей груди. Получилось как-то наигранно, актриса из нее была никудышная. Мне стало страшно — ведь и я особо не отличалась актерскими талантами.

— Достаточно, — кинула Надзирательница. — Поднимайся.

Едва девушка выпрямилась, свет вокруг платформы мигнул. Короткая вспышка разрезала пространство — а затем раздался едва слышный щелчок. Тело несчастной дернулось, как от удара током, и она издала сдавленный вскрик.

Остальные ученицы замерли — никто не ожидал боли после покорности. Тишина стала плотнее. Воздух будто бы сжался — а вместе с ним я.

— Неубедительно, — процедила женщина. — Это не было согласием, лишь защитой. Тело должно подчиняться, а не прятаться.

Теперь я знала: недостаточно просто изобразить, нужно поверить самой. Здесь ждали искренности — или хотя бы убедительности.

— Следующая, — снова раздалось. — Ты, — и Надзирательница уставилась прямо на меня. Вот так невезение!

На ватных ногах я приблизилась к платформе. Было ощущение, что иду на казнь. Площадка оказалась выше, чем я думала. Свет слепил глаза, а я чувствовала себя так, будто вот-вот упаду в обморок.

— Твое тело очаровательно, — произнесла женщина. — Оно создано для связи, желания, служения и наслаждения.

На комплимент это мало было похоже. Но деваться некуда — надо было продемонстрировать, что я благодарна. Но как?

— Прояви, что ты слышишь и принимаешь похвалу, — уже настойчивее приказала Надзирательница.

Я застыла. В голове не было мыслей, а внутри все съежилось, как перед прыжком в ледяную воду. Но выбора не было. Медленно, как во сне, я встала на колени — несмотря на неудачу предыдущей участницы, поза показалась мне логичной в этой ситуации.

Наклонилась, я коснулась лбом холодной поверхности. После поднялась и дрожащими пальцами погладила грудь — даже ущипнула сосок для достоверности. Чуть прикусила губу, демонстрируя удовольствие от услышанного и сделанного.

Это было самое странное ощущение в моей жизни: как будто я делала больно себе через ласку. Мне было неловко: и от этих слов, и от своих действий.

Пауза затянулась. Я ждала вспышку и электрический разряд. Но ничего не произошло.

— Ты чувствуешь стыд, — проговорила одна из женщин. — Но стыд — тоже форма согласия — если он рождается внутри принятия.

— Молодец, — сказала другая. — Ты услышала нас. Твои мужья будут довольны.

Не совсем понимая, почему мое поведение устроило Надзирательниц, я спустилась вниз. Я должна была испытывать облегчение — не наказали, не унизили. Но вместо этого почему-то ощущала себя мерзко.

Остаток занятия прошел для меня как в тумане: мне до сих пор не верилось, что все обошлось.

Когда урок закончился, Лика повернулась ко мне.

— Ася, — зашептала она. — Мы обязаны бежать.

Я вздрогнула от неожиданности. Занятие вымотало меня — в уме все еще звучала фраза про мое тело, созданное для служения. Я вообще не поняла, о чем вещает моя единственная знакомая.

— Что?

— Я все узнала. Сегодня ночью мы сможем уйти. Ты ведь хочешь?

— Но ты же говорила, что у нас нет выбора? — тихо и неуверенно спросила я. — И что я буду... ну, на коленях по своей воле?

— Тогда — да. Потому что не было шанса. А теперь он есть. Ася, ты не понимаешь.

Лика замолчала и несколько секунд смотрела мне в глаза.

— Если не сейчас — потом ты не решишься. Тебя сломают. Нас сломают.

— Почему я? — робко задала я вопрос. — Ты ведь меня почти не знаешь. А если я тебя сдам?

— Не сдашь. Ты почти сдалась — но не до конца, — прошептала Лика. — Ты видела остальных? Они же как зомби. А ты еще живая, — она сжала мою руку. Ее пальцы были ледяными.

— Если нас поймают... — выдохнула я. — Ты уверена? — я машинально оглянулась. Панели казались гладкими и мертвыми — но вдруг они слушали? В этом месте и стены могли быть предателями.

— Я буду ждать тебя у входа в этот корпус после отбоя, когда все стихнет. Или мы уйдем, или останемся здесь навсегда, — Лика выдернула ладонь и быстрым шагом покинула зал, не оглядываясь.

На этот раз Кай и Лар за мной не пришли. Никто не ждал меня у выхода. Наверное, решили, что я должна была уже запомнить путь до Школы. И были правы: я без происшествий добралась до своей комнаты. То ли мои мужья стали доверять мне и дали больше свободы... то ли проверяли.

Глава 16. Выбор

Ужин ждал меня на кубе. Интересно, что здесь, в Пространственной Пустоте, блюда были совсем другими, чем на Земле. Я даже не могла точно сказать, что ем — кусочки растворялись на языке, оставляя после себя невесомое послевкусие. А может, просто еда быстро исчезала с моей тарелки, и я не успевала понять, что вообще ела.

В ускоренном режиме проглотив еду, я ощутила лишь теплый след во рту — словно пища была иллюзией. Тело наполнилось, но ощущения насыщения так и не возникло.

Я поспешила в душ. Затем забралась на кровать и свернулась калачиком, подтянув колени к груди.

Перед глазами все еще стояла платформа, а в ушах звучали слова Надзирательниц. Они говорили, что я была создана для служения. И что мое тело было достойно любования.

А если это правда, и я была достойна большего? Не только мое тело, но и я сама: мой ум и моя душа? Если... еще не поздно? Мысли пауками закрались в мое сознание и за вечер сплели в нем липкую паутину.

Еще недавно я и не помышляла о том, чтобы сбежать. Моя жизнь тут уже начала казаться мне предопределенной и неизменной — как эти гладкие стены вокруг. Но слова Лики против воли зажгли в душе огонек надежды.

Я резко села и огляделась вокруг. Комната выглядела слишком идеальной и пустой. Голые стены, ковровое покрытие на полу, кованая кровать... Все здесь было ненастоящим — частью ненароком подсмотренного чужого сна.

Решимость убежать крепла во мне, наполняя тело почти забытой энергией. Лика была права — я действительно не сломалась до конца. Где-то в глубине еще теплилась вера.

Конечно, я не была такой уж наивной: предложение Лики казалось подозрительным. Что за шанс на побег? Откуда она узнала о нем? Почему доверилась именно мне, незнакомке? Вопросов было куда больше, чем ответов.

Я пыталась разглядеть в ее словах подвох, найти скрытые мотивы, но чем дольше думала, тем сильнее запутывалась. Ее тон был уверенным, а аргументы — столь убедительными, что поверить было легко.

Меня разрывало на две части: одна твердила, что никому нельзя доверять, в том числе себе. Другая — что я должна рискнуть и вернуть себе свою жизнь. Даже если в ней не было ничего хорошего, даже если придется начать с нуля — это лучше, чем продолжать жить в этом искусственном мире, где движения контролируются, а мысли фильтруются.

Лежать, делая вид, что все как прежде, было совершенно невыносимо. Каждая секунда, проведенная в неподвижности, представлялась предательством зажегшейся внутри искры. Я пересела на край кровати и замерла, прислушиваясь к тишине. По идее, время «после отбоя» уже давно наступило. Или нет?

Помедлив, я бесшумно встала, ступив босыми ногами на пол. Толкнула дверь — она моментально поддалась. Видимо, я прошла какую-то проверку: мужа стали мне доверять и ослабили контроль.

Меня пронзило странное осознание: возможность свободно покинуть комнату испугала сильнее, чем если бы дверь оказалась запертой. В первом случае я могла бы обвинить кого-то в том, что меня удерживают против воли, переложить ответственность на чужие плечи. Но теперь все зависело лишь от меня самой — и это до чертиков пугало.

Коридоры пустовали, свет мерцал — то усиливался, то гас. И ни одной живой сущности. Только мое учащенное дыхание эхом отражалось от поверхностей, да стук сердца наверняка можно было услышать за километр. Я шла как призрак, скользя вдоль стен и стараясь не издавать ни звука.

Никто не помешал мне пройти через лабиринты сквозь здание, на улицах тоже никого не было. Я так волновалась, что по пути чуть не повернула в другую сторону, однако вовремя очухалась.

Каждый шаг неуклонно приближал меня к цели, но вместе с тем усиливал тревогу. Что, если это все-таки ловушка? Если сейчас из-за угла появится кто-то из Надзирательниц? Но отступать было поздно.

Лики на месте еще не наблюдалось.

Я внезапно поняла, что ни разу не видела в этом мире часов. Я ждала, силясь уловить хотя бы малейший звук, рассмотреть тень Лики. Но проходили минуты — ничего не происходило.

Паника змеей обвила сердце. А что, если Лика не дождалась и уже покинула Пустоту без меня? Или ее остановили мужа, или она передумала, или, хуже того, решила предать. Она могла скрыться одна, сдать меня, сделать что угодно — я ведь совсем не знала ее, чтобы так безоглядно доверять. Как я позволила себе быть такой простодушной?

Сердце колотилось теперь не просто быстро — оно буквально выпрыгивало из груди, застряв где-то в горле. Я обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь. Холод пробрался сквозь тонкую ткань платья, проникая до самых костей.

И вдруг позади раздались шаги. Я обернулась. Из темноты выплыли силуэты: это были Кай и Лар. Они смотрели на меня так, будто ожидали, что увидят меня тут. Будто пришли за мной по наводке.

— Мы дали тебе свободу, — без эмоций сказал Кай. — Ты выбрала бежать. Значит, выбор был лишним.

Почему-то по моему телу пробежали мурашки — но уже не от холода, а от страха. Несмотря на его спокойный тон, я почуяла явственную угрозу.

— Ты предала нас, сучка, — добавил Лар. Его голос хрипел от сдержанной ярости. — Пора напомнить тебе, кому ты принадлежишь. Ты понимаешь, что я имею в виду.

Глава 17. Предчувствие

— Нет... Не понимаю... — пролепетала я, внутренне осознавая, что эти слова меня не спасут. Вообще никакие слова меня больше спасти не могли.

— Все ты понимаешь, шалава, — сощурился Лар. — Готова послушать кого угодно, лишь бы свинтить, сука?

Выходит, Лика меня все-таки сдала — и задумала это изначально. Весь этот побег и мнимая свобода были спланир

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.